

Валерий Михайлов
Врата богов. Мой верный Конь

Зеркало Пророка. Третья и четвертая книги

Валерий Михайлов

**Врата богов. Мой верный Конь.
Зеркало Пророка. Третья
и четвертая книги**

«Издательские решения»

Михайлов В.

Врата богов. Мой верный Конь. Зеркало Пророка. Третья и четвертая книги / В. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744768-7

В книгу вошли третья и заключительная, четвертая, книги квадрологии «Зеркало Пророка». Действие романа «Врата богов» разворачивается в Ростове-на-Дону в 1980-е годы. Семнадцатилетний Роман Кривцов оказывается втянут в смертельно опасные поиски Зеркала Пророка, от успеха которых зависят его жизнь и жизни близких людей. Устав от череды связанных с Зеркалом Пророка смертельно опасных приключений, герой романа «Мой верный Конь» решает вернуть Зеркало его исконным владельцам.

ISBN 978-5-44-744768-7

© Михайлов В.
© Издательские решения

Содержание

Врата богов	6
1	6
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Врата богов. Мой верный Конь Зеркало Пророка. Третья и четвертая книги

Валерий Михайлов

© Валерий Михайлов, 2018

ISBN 978-5-4474-4768-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Врата богов

*Я получил эту роль.
Мне выпал счастливый билет.
ДДТ. «Я получил эту роль».*

1

Роман Кривцов был высоким, спортивным молодым человеком. Лицо у него было приятное, но не слащавое. Волосы – черные, густые, коротко стриженные. Он успешно окончил школу и поступил в институт сельхозмашиностроения не столько для того, чтобы получить специальность, сколько ради отмазки от армии, куда он, будучи адекватным молодым человеком, совсем не стремился попасть.

Его мать, Зинаида Степановна, работала стоматологом. Отец – диспетчером в аэропорту. Доступ к закромам Родины позволял ему жить более чем сносно по меркам советской жизни. При этом он не кичился ни модным шмотьем, наличие которого воспринимал, как данность, ни полнотой холодильника, в котором среди дефицитных сыров-колбас нередко обитала и черная икра.

Несмотря на почти отличную учебу и начитанность, а он много читал (в основном фантастику и приключения), Роман рос уличным мальчишкой. Не шпаной, но и не зубрилой-отличником. (Слово «ботаник» тогда еще не использовалось для обозначения маменькиных сынков). Кроме одежно-пищевого изобилия его жизнь ничем не отличалась от жизни большинства сверстников. Единственной мучившей его проблемой было отсутствие полноценного сексуального опыта. Разумеется, подружки у него были, но дальше обнимашек дело не заходило. Из-за этого он чувствовал себя неудачником и мечтал, как можно быстрее избавиться от девственности, считая ее настоящим проклятием и признаком мужской неполноценности. Такая озабоченность тоже была вполне распространенным явлением, заставляющим мальчишек хвалиться несуществующими любовными победами.

Все изменилось теплым тихим днем 17 августа 1983 года.

Обычно Роману не снилось ничего интересного. По крайней мере, ничего интересного он не вспоминал. Стоило ему открыть глаза, как в голове оставались лишь смутные обрывки сновидений, и те улетучивались из памяти за несколько секунд.

Этот же сон был необычайно ярким и реалистичным, более того, Роман прекрасно понимал, что спит и видит сон, в котором была темная безлунная и совершенно безветренная ночь – прекрасный фон для пылающего старинного дома. Перед домом около дюжины человек танцевали демонический танец. Это были мужчины, женщины, дети, одетые в костюмы разных эпох. Их лица скрывали маски. В голове Романа хорошо поставленный мужской голос читал стихи:

Это случилось ночью.
Может быть, перед рассветом.
Это случилось, и точка.
Там, где случилось это.

– Вы точно уверены, что это он? – спросил властный женский голос опять же в голове Романа.

– На все сто, – ответил другой, хрипло прокуренный мужской.

– Тогда пора начинать, – решила женщина.

– Пора, – согласился с ней хриплый.

– Пора, – подытожил читавший стихи, и Романа выбросило из сна.

Часы показывали начало первого дня. Надо было вставать.

На кухонном столе лежала записка: «Купи, пожалуйста, хлеб». Родителям нравились батоны, сам же он предпочитал серый хлеб по 16 копеек. Поэтому на записке лежал полтинник. В хлебнице было пусто, и Роман решил сначала сходить в магазин, а потом уже завтракать. Благо, до магазина было рукой подать.

Выйдя на улицу, он подумал, что не плохо было бы пойти после завтрака на Дон. С этими мыслями он завернул за угол дома. Еще пару лет назад там был пустырь, на котором летом вырастал бурьян в человеческий рост. Позже одинокий пенсионер из соседнего дома посадил там фруктовые деревья. В результате на месте пустыря образовалось тихое, почти безлюдное место, скрытое деревьями от посторонних глаз. Настоящий рай для живущих неподалеку собачников.

Завернув за угол, Алексей чуть не наскочил на мужчину средних лет, который, увидев его, выхватил спрятанный под футболкой пистолет с глушителем и направил его Роману в голову. Выстрел прогремел сзади, и голова, но не Романа, а нападавшего брызнула кровью. Прежде, чем тот упал, сзади к Роману подскочил мужчина.

– Давай быстрее, – сказал он, схватив Романа за руку, и потащил его к припаркованной неподалеку черной «Волге» ГАЗ-3102 с государственными номерами.

На вид спасителю было лет 50. Рост средний, сложение среднее, внешность средняя. Одет он был в джинсы, футболку и кроссовки.

Когда они сели в машину, он рванул с места и понесся по улицам, прямо как в кино. Выехав из Ростова, они проехали пару километров в сторону Батайска, затем свернули на грунтовую дорогу, которая привела их к небольшому живописному пруду. С трех сторон он был окружен лесополосами. С четвертой за ним был пожелтевший от высохшей травы луг. На удивление там не было ни души.

– Рассказывай, – сказал спаситель, заглушив двигатель.

– Что? – спросил Роман, который после произошедшего туго соображал.

– За что тебя хотят убить?

– Не знаю. Честно. Даже не представляю.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я не добрый самаритянин, и спасаю тебя ради собственных интересов?

– Конечно. Но я, правда, не знаю.

– Скорее всего, ты только думаешь, что не знаешь. Ты мог что-то увидеть и забыть, а мог не придать значение. В любом случае просто так тот человек не стал бы на тебя охотиться.

– А кто он?

– Профессиональный убийца экстра класса. Поэтому подумай сейчас хорошенько. Постарайся вспомнить. Короче говоря, дай мне повод тебя защищать.

– Я постараюсь.

– Постарайся. Это может спасти тебе жизнь. На раздумья у тебя час.

– А можно сигарету?

– Ты разве куришь?

– В перестрелках я тоже не участвую.

– Держи.

Спаситель положил на панель пачку сигарет и зажигалку.

– Спасибо.

Когда Роман вышел из машины, спаситель уснул сном младенца.

«Прямо, как Штирлиц», – подумал Роман.

Сев на глинистый берег, он попытался закурить, но сломал пару сигарет, и прикурил лишь третью. Он несколько раз затянулся, мешая дым с воздухом. Нервы от этого не успокоились, только голова закружилась, и затошнило. А еще стало противно во рту. Выбросив сигарету, Роман уставился в воду. Там плескались рыбы, у которых было полно своих забот.

– Ну что? – спросил ровно через час спаситель, словно в него были встроены часы.

– Ничего, – ответил Роман. – Даже не знаю...

– Тогда, может, в последнее время произошло что-нибудь необычное?

– Ничего.

– Ладно, садись, поехали.

– Куда?

Спаситель не ответил.

Роману было не до того, чтобы следить за дорогой.

Остановившись перед высокими железными воротами, спаситель посигналил. Ворота открыли двое солдат. Когда машина проезжала мимо, они вытянулись по стойке смирно.

Территория за воротами напомнила Роману блатной санаторий, где три года назад отдыхала его мать. Они с отцом ездили на машине ее забирать. Только вместо пальм здесь росли сосны, среди которых затерялся трехэтажный деревянный дом. В цветнике у дома работала женщина средних лет. Висящий мешком комбинезон и повязанный на крестьянский манер платок на голове не позволяли ее толком разглядеть.

– Это Софья Сергеевна, моя начальница, – сказал спаситель. – Меня, кстати, зовут Максим Харитонович. Я майор особого отдела КГБ.

– Очень приятно, – ответил Роман и покраснел, решив, что сморозил глупость.

– Веди себя естественно, но помни: с этого момента твоя жизнь зависит от каждого твоего поступка. От каждого. Даже от самого незначительного. Тебе понятно?

– Понятно, – ответил Роман, которому совершенно ничего не было понятно.

– Вот и отлично. Пойдем.

– Здравствуй, Софья Сергеевна. Не помешали? – спросил Максим Харитонович, когда они подошли к ней. Роман тоже поздоровался.

– Я как раз собиралась пить чай. Присоединитесь? – предложила она, ответив на приветствии.

– С удовольствием.

– Тогда проходите в беседку. Я сейчас подойду.

Беседка находилась с обратной стороны дома. На расстоянии она выглядела так, словно была вырезана из монолитного куска мрамора. Разумеется, это было иллюзией, но иллюзией прекрасной. Там уже барышня лет 30 накрывала на стол. Ничего особенного: чай, пирожные, фрукты. Половину фруктов, правда, Роман ни разу еще не видел. Вскоре подошла Софья Сергеевна. Она причесалась и переделалась в простой, но изящный сарафан. На красивых ногах были босоножки на высоких каблуках. В этой одежде она выглядела значительно моложе, чем в комбинезоне, и гораздо привлекательней. Красавицей она не была, но симпатичной ее вполне можно было назвать. Стриженные под каре черные волосы, живые, карие глаза, милое лицо.

Сев за стол, она налила в чашки из заварного чайника практически прозрачную воду. Романа еще ни разу не угощали чаем без заварки и сахара. Видя недоумение на его лице, Софья Сергеевна улыбнулась и пояснила:

– Это белый китайский чай. Очень высокого сорта. Попробуй, тебе понравится.

– А разве в Китае есть чай? – удивился Роман. Он еще ни разу не пил чай из Китая.

– Китай – родина чая. Там его выращивают уже несколько тысяч лет.

– А я думал, что родина чая Индия.

– Ну нет, туда его завезли англичане. После китайцев чай начали пить японцы несколько веков назад. А все остальные – относительно недавно.

– Никогда бы не подумал.

– Ты ешь и пей. Не смотри, что пирожные на вид неказистые. На вкус они, что надо. Попробуй.

Чай имел своеобразный, непохожий на знакомый «чайный» вкус. Роману он понравился. На счет пирожных Софья Сергеевна тоже не обманула.

Когда чаепитие подошло к концу, она спросила у Максима Харитоновича:

– Ты действительно уверен, что этот молодой человек тот, кто нам нужен?

– Они в этом уверены, – ответил он.

– Что ж... – немного задумчиво сказала она, затем, глядя в глаза Роману, добавила, – мы им поверим.

На этом аудиенция была закончена, и гости встали из-за стола.

– Поздравляю, – торжественно произнес Максим Харитонович, когда они вернулись в машину. – С этого момента ты служишь у нас.

– В смысле? – не понял Роман.

– В прямом.

– А как же институт?

– Без нас ты до него вряд ли доживешь. А с нами... Переведись для начала на заочное отделение, а потом мы поможем перевестись в любой ВУЗ страны. К тому же служба у нас зачтется, как армейская. Короче говоря, завтра в 9 утра жду тебя в военкомате в кабинете военкома. И еще, о том, что случилось, никому не слова.

– Ты что, за хлебом через Батайск ходил? – спросил отец, когда Роман вернулся домой.

– Меня в КГБ вызывали.

– О господи! – испугалась мать.

– Да нет, мне предложили службу у них.

– И что ты? – спросил отец, который, как и многие советские граждане, не сильно любил эту контору.

– А что я? Можно подумать, у меня был выбор.

– Может, оно и к лучшему, – решила мать. – Так хоть точно в армию не загремит.

Часы показывали 7:47. До подъема оставалось 13 минут. Понятно, что за это время не довыспишься, но даже просто поваляться в постели... Вот только у мочевого пузыря было свое мнение на этот счет, и мнение весомое. Облегчив душу в туалете, Роман сделал короткую зарядку, затем принял холодный душ и отправился на кухню, где его ждал завтрак: залитая яйцами жареная картошка и печеночный паштет в банке. Раньше мать оставляла ему и чай, но он остывал, поэтому Роман настоял на том, чтобы заваривать чай самому. Тем более что он никогда не спешил, и лишние 10 минут погоды не делали.

Поев и помыв посуду, Роман приступил к одеванию: белая рубашка «Мистер Д», черные брюки, пошитые у знакомого портного, новые носки и парадные черные туфли.

До военкомата было 3 остановки на автобусе, но время позволяло, и Роман решил пройти пешком. Путь лежал мимо смотревшихся голыми новостроек, так как посаженные вокруг них деревья были еще маленькими.

Подойдя к военкомату, Роман увидел знакомую «Волгу». Она стояла прямо под знаком «остановка запрещена». Прежде, чем войти, он посмотрел на часы. Было 8—57.

– Молодой человек, вы к кому? – строго спросил дежурный офицер, когда Роман попытался преодолеть турникет.

– Мне к военкому. Он ждет.

– Это на втором этаже. Последний кабинет справа по коридору.

– Спасибо.

На фоне других, обитых окрашенным белой краской ДВП дверей, дверь в кабинет военкома выглядела солидно. Она была массивной железной (в то время моды на железные двери еще не было), а сверху обитой деревянной рейкой. Услышав «войдите» в ответ на стук, Роман вошел.

Кабинет был большим, дорого обставленным и отделанным деревом. На полу лежал ковер. На стене позади стола военкома висели портреты Ленина и Андропова.

Сам же военком был маленьким и настолько тощим, что полковничьи звезды на его погонах казались генеральскими. Роскошь обстановки только подчеркивала его внешнюю убогость, делая военкома похожим на мультяшного злодея. Сбоку от него на стуле для посетителей сидел Максим Харитонович. Перед ним лежала папка с документами Романа.

– Приписное принес? – спросил Максим Харитонович.

– Конечно, – ответил Роман.

– Давай.

Он внимательно просмотрел приписное свидетельство Романа, затем передал его военкому. Тот тоже внимательно его просмотрел и положил в папку.

– Подпиши, – сказал после этого Максим Харитонович, и, достав из другой, лежавшей под делом Романа дорогой папки из красной кожи, положил на стол несколько напечатанных на машинке листов бумаги и ручку.

– Что это? – спросил Роман.

– Твое заявление с просьбой принять тебя в наши ряды. Ты ведь хочешь служить Родине в наших рядах?

– Да, конечно, – ответил Роман и, не читая, подписал заявление.

– Поздравляю, – сказал Максим Харитонович, вставая, и протянул Роману руку.

Затем было торжественное рукопожатие с военкомом.

– Это большая честь для тебя. Не подведи, – напутствовал он.

Романа так и подмывало ляпнуть «всегда готов», но вместо этого он, сделав рожу кирпичом, сказал:

– Служу Советскому Союзу.

После этой небольшой торжественной части Максим Харитонович объяснил Роману, куда и с какими фотографиями тому надлежит прибыть завтра утром. На этом «прием в пионеры» закончился.

Забежав домой за пиджаком и галстуком, Роман помчался в фотоателье.

– Как будем фотографироваться? – спросил фотограф.

Роман объяснил.

– Послезавтра будут готовы, – сообщил фотограф после поистине ритуального процесса фотографирования.

– Мне надо сегодня, – попросил Роман. – Это в КГБ, – на всякий случай добавил он.

– Хорошо. Подходи к четверем.

Затем он съездил в институт, где решил вопрос с переводом на заочное отделение.

Утром Роман был у Максима Харитоновича, который обитал в тесном кабинете в подвале районного отделения почты.

– Докладывай, – сказал он, едва Роман вошел.

– Вот фотографии.

– Хорошо. Пока можешь быть свободным. Жду к двум часам за пропуском. Не опаздывай.

– Так точно, – ответил Роман.

– Давай только без военщины, – поморщился Максим Харитонович.

– Вот держи, – сказал Максим Харитонович, кладя на стол красную книжку. Открыв ее, Роман прочитал под фотографией:

«НИЦ „Лабиринт“. Младший научный сотрудник».

– Надеюсь, ты не думал, что мы тебя сразу в генералы произведем? – строго спросил Максим Харитонович, увидев разочарование на его лице.

– Нет, но почему младший научный сотрудник?

– Легенда. Книжки про разведку читал?

– Читал, конечно.

– Тогда разговор окончен. Завтра в 9 утра ты должен приступить к своим обязанностям.

Улица Михельсона, на которой в корпусе 4 дома 23 и находился НИЦ, сама была еще тем лабиринтом. Она уходила на пару кварталов как вверх, так и вниз от улицы, как таковой. При этом дома на ней номеровались в совершенно немислимом порядке. Они были все однотипными, панельными. В них наверняка проживали однотипные панельные люди, в большинстве своем пролетариат. Всеобщая обшарпанность и замусоренность территории нагоняла на Романа тоску. Спрашивать дорогу у местного населения было бесполезно. Оно само толком не ориентировалось в нумерации домов, а про НИЦ «Лабиринт» вообще никто никогда не слышал. Наконец, окончательно заблудившись, Роман уткнулся носом в искомый дом. Вход, как и говорил Максим Харитонович, был с торца здания, и вел прямым в подвал. О том, что это действительно НИЦ «Лабиринт», говорила лишь напечатанная на машинке надпись на приклеенной к облупившейся зеленой двери бумажке, которую похабно оторвали от листа 11 (а 4) формата.

За входной дверью было поистине царство развитого убожества. Стены и потолок из бетонных блоков и плит никто не удосужился даже покрасить. На полу прямо на голый бетон был неряшливо брошен линолеум депрессивно зеленого цвета. Куда ни глянь, везде ржавели водопроводные и канализационные трубы. Освещалось это великолепие свисающими на проводах лампочками без плафонов.

«Если бы у Минотавра был такой лабиринт, он повесился бы от тоски», – подумал Роман.

Охранял этот чудесный уголок одетый в дырявый спортивный костюм мужчина давно уже пенсионного возраста. Он сидел за столом, который стоял в проходе почти сразу же за входной дверью. Сторож увлеченно читал газету.

– Молодой человек, вы к кому? – спросил он, даже не пытаясь скрыть недовольство по поводу того, что его оторвали от чтения.

Роман показал пропуск.

– Первая дверь направо, – буркнул сторож и вернулся к газете.

На серой от грязи первой двери направо висела табличка: «Колесник. И П». Роман постучал.

– Да, – отозвалось задверье слегка визгливым мужским голосом.

Войдя, Роман очутился в относительно приличном кабинете. Потолок был побелен. Стены оштукатурены и оклеены обоями в цветочек. Вдоль противоположной от двери стены стояла стенка из шифоньера и шкафов с папками. На полу лежал все тот же линолеум, но здесь он, по крайней мере, не бугрился на каждом шагу. Посреди кабинета стоял письменный стол с телефоном. Перед столом примостились целых 3 стула со спинками.

Сам Колесник оказался презабавным типом. Маленький, толстый, почти без шеи. Мордочка круглая. Голова лысая. Один глаз смотрел в переносицу, второй беспорядочно рыскал по пространству. Говорил он, шепелявя и повизгивая. Когда Роман вошел, Колесник ел бутерброд с сыром и копченой колбасой. Своей очереди на столе ждала огромная чашка с жидким кофе.

– Кофе будешь? – спросил он, пригласив Романа сесть.

– Спасибо. Я недавно позавтракал.

- Настоящий. Растворимый. А не какая-нибудь бурда.
- Спасибо.
- Тогда заполняй. Он вынул из ящика и положил на стол несколько машинописных листов бумаги. Назывался этот труд «Анкета испытуемого номер...»
- А почему анкета испытуемого? – спросил Роман.
- Ты название нашей шарашки на двери видел?
- Ну да, только я не понял, что такое НИЦ.
- Научно исследовательский центр. А знаешь, почему наш центр назван «Лабиринтом?»
- Ну...
- А потому, что он и есть лабиринт. А мы в этом лабиринте крысы. Особенно ты.
- Почему?
- Потому что тебя сюда сдали, как в поликлинику, для опытов. О чем нас вчера предупредили по телефону.
- Но почему? – обиженно спросил Роман, которого совершенно не устраивала роль лабораторной крысы.
- По воле партии и народа. Но ты не расстраивайся. Вивисекцию мы не практикуем по причине отсутствия необходимого оборудования, – сказал Колесник и захрюкал от удовольствия.
- Заполнил? Красава! – обрадовался он, когда Роман протянул ему анкету. Он, не читая, отправил ее в ящик стола. – Теперь иди к Жабе... Жанне Петровне. Это в следующий кабинет.
- Жанна Петровна оказалась редкостным страшилищем. Лет сорок. Высоченная, тощая, но мосластая. Жабьими у нее были только выпученные глаза, что подчеркивали очки с сильными линзами в дешевой оправе. Ее зубы были зубами кролика-людоеда, а уши, как у прямого потомка Чебурашки.
- Не удивительно, что с такой внешностью Жаба Петровна (ее только так и называли за глаза) была совершенно далекой от мира сего, духовной женщиной.
- Что же до кабинета, то он был практически таким же, как и у Колесника.
- То, что я вам сообщу, молодой человек, официально в нашей стране отрицается, однако, очень пристально изучается в секретных институтах вроде нашего, – сообщила заговорщицеским тоном она. Затем прочла многочасовую лекцию о биоэнергетике, семеричном теле, чакрах, Рерихах, Блавацкой, Джуне, Мессинге и Тибете. Много было интересно, но большую часть времени Роману пришлось сдерживаться, чтобы не рассмеяться ей в лицо.
- К практической части нашей работы мы перейдем завтра, – сообщила она, закончив ликбез к несказанной радости Романа.
- Едва он вышел в коридор, из кабинета выскочил Колесник.
- Зайди ко мне, – попросил он. – Надо подписать подписку о неразглашении.
- Неразглашении чего? – спросил Роман.
- Неразглашении всего. Ты в секретном научно-исследовательском центре особого отдела КГБ, парень. А это, между прочим, не член собачий.
- А выглядит дырой.
- Ну так... Внешняя убогость – лучшая маскировка.
- Должен заметить, что маскировка здесь на высшем уровне.
- А ты как думал. Хочешь анекдот?
- Конечно.
- Знаешь, почему камбала плоская?
- Нет.
- Ее кит шпшил. А знаешь, почему у Жабы Петровны глаза навывкате?
- С щитовидкой проблемы?
- Да нет, просто она случайно увидела, как кит камбалу шпшил.

Слово «трахаться» появилось значительно позже, во времена видеосалонов.

– Теперь прямо по коридору. Там будет Рада Георгиевна, – сообщил Колесник, когда они отсмеялись.

Судя по ее кабинету, Рада Георгиевна была царицей полей в этом царстве убогости. Во-первых, сам кабинет был значительно больше, чем у Жабы и Колесника. Во-вторых, на полу лежал не линолеум, а палас. Вместо стульев для посетителей стояли удобное кресло и диван. Стенка (мебель) была настоящей, югославской. А на одной из полок красовался кассетный «АКАЙ», который хоть и стоил значительно дешевле бобинного, но никак не меньше 2 тысяч рублей.

На вид Раде Георгиевне было лет 20. Среднего роста, худая. Волосы соломенные, собранные в хвост. Немного курносый нос. На лице веснушки. Одета в джинсы, и футболку. На ногах сланцы. Несмотря на внешнюю обыкновенность, Роману она показалась настолько притягательной, что он обмер, едва вошел. Глядя на нее, он видел умопомрачительную женщину с посредственной внешностью. Эта некрасивая красота выбивала из колеи, так как до этого момента он был уверен, что можно быть либо красивым, либо нет.

– Проходите, садитесь, – пригласила она.

– Куда?

– Куда хотите.

– Тогда я в кресло, ели можно.

– Конечно можно, – улыбнулась она, заставив Романа покраснеть, так как он из-за возникшей нелепой робости влюбляющегося юноши почувствовал себя идиотом.

– Я хочу провести гипнотическую сессию. Надеюсь, вы не против? – спросила Рада Георгиевна, когда он сел в кресло. – Вы уже слышали о гипнозе? Или, может быть, были у кого-нибудь на сеансе.

Роман читал о гипнозе в фантастических романах. Там им, правда, владели только инопланетяне. Они, как и Мессинг, о котором только что рассказала Жаба, подавляли своей волей волю других людей, после чего могли делать с ними все, что угодно. Чаще всего для этого они должны были смотреть своим жертвам в глаза.

– Боюсь вас разочаровать, молодой человек, но к настоящему гипнозу это не имеет никакого отношения, как, собственно, и гипноз к человеческой воле, – сказала она, выслушав рассказ Романа.

– Тогда что это такое? – немного растерялся он.

– Похожее на сон совершенно естественное состояние человека. Вы наверняка испытывали его много раз, только не знали, что это и есть гипноз. Думаю, вы сами сейчас в этом убедитесь. Приступим?

– Что нужно делать?

– Ничего особенного. Просто спокойно сидите, слушайте, что я говорю... Выполняйте мои просьбы. Попробуем?

– Давайте.

– Тогда садитесь удобно. Сейчас включу музыку, и приступим. Она включила магнитофон. Заиграло что-то похожее на Жана Мишель Жаре, но более нежное и воздушное.

– Что это? – спросил Роман.

– Китаро, – ответила Рада Георгиевна. – Если хотите, потом перепишете. А сейчас давайте к делу.

– Я готов.

– Закройте глаза. Расслабьте руки...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, когда Роман вынырнул из гипноза.

– Это было что-то. Все такое яркое, как в сказке.

– Отдохнули?

- Великолепно. Только немного голова кружится.
- Это вы не совсем вышли из гипноза. Разбудить?
- Не надо. Это так кайфово.
- Если захотите, я вас научу самостоятельно погружаться в гипноз.
- Конечно, хочу.
- Тогда завтра начнем.

За время пребывания в «Лабиринте» Роман так и не смог понять, зачем такой серьезной организации, как КГБ понадобилась эта шарашка, и для чего Максим Харитонович сплавил его туда.

«Лабиринт» был похож на кружок для психов.

Иван Павлович Коленик считал себя искателем. Всю жизнь он гонялся за летающими тарелками, снежным человеком и прочей подобной хренью. Одновременно с этим он искал окно в параллельный мир, которое, по его мнению, находилось в ростовских катакомбах. Если верить Жабе Петровне, раньше он был относительно нормальным, симпатичным мужчиной. Лет пять назад его мечты сбылись, и он встретил что-то или кого-то из того, что искал. Как гласит легенда, он пропал в катакомбах чуть ли не на глазах у друзей-приятелей. Нашли его через неделю на Комсомольском острове в состоянии острого психоза. В бреду он твердил про сжигающие мозг руки, а когда слегка оклемался, заявил, что ничего не помнит с момента входа в катакомбы. В результате мнения его коллег разделились. Одни считали, что он попросту перебрал алкогольно-наркотического пойла, которое они прихватили с собой с целью активизации астрального восприятия. Более эзотерически задвинутая публика полагала, что он стал жертвой хранителя, который, чтобы сохранить в тайне доверенное ему знание, стер Колеснику память, так как тот слишком близко подошел к опасным для человечества тайнам. После выхода Колесника из психушки его сначала долго допрашивали в КГБ, затем завербовали и назначили директором созданного примерно в то же время «Лабиринта».

Колесник Романом не занимался, поэтому они общались лишь во время кофейных перерывов, на которые он буквально вырывал Романа из цепких когтей Жабы Петровны. В результате Роман попадал из огня да в полымя, так как во время кофепития воодушевленный наличием свободных ушей Колесник нес совершенно невообразимый бред.

– Надеюсь, ты по церквям не шляешься? – спросил он во время одной из первых кофейных бесед.

– Да нет, – ответил Роман. Этот вопрос заставил его слегка растеряться.

– И правильно. Потому что храмы – это жертвенники богам. Не все, а только те, которые создавались по оригинальному плану богов.

– Вы верите в бога? – удивился Роман.

– Не в бога. В богов. Бог – это выдумка предприимчивых негодяев, благодаря которой они уже многие тысячелетия управляют двуногими жабами, позволяя им в качестве награды мнить себя царевнами. Другое дело – периодически спускающиеся на землю с небес в своих огненных колесницах боги. Узнаваемый образ?

– Ну да. Похоже на инопланетян.

– Об инопланетном вторжении на Землю рассказывается в мифах практически всех народов.

– Ну... Мифы могли быть позаимствованы...

– А это? – перебил Романа Колесник и с торжествующим видом положил на стол пачку фотографий.

– Это геоглифы Наска обнаруженные на плато Наска в южном Перу, – рассказывал он, показывая серию фотографий с изображением огромных рисунков на местности, созданных путем рытья неглубоких траншей шириной до 135 сантиметров. – Колибри имеет длину 50 мет-

ров, паук – 46, кондор простирается от клюва до перьев хвоста почти на 120 метров, а ящерица имеет длину до 188 метров. И все это сделано с такой точностью, что сегодня, с нашими современными технологиями, невозможно повторить.

А это – развалины древних сооружений в Перу, – показывал он на выложенные из идеально подогнанных друг к другу, причем зачастую весьма причудливым способом многотонных камней стены. – Построено это было высоко в горах из камней, которые доставляли туда хрен знает откуда. Да взять хотя бы пирамиды. Только конченный гуманитарий, неспособный забить гвоздь, может верить в сказку про толпы рабов с примитивными орудиями труда. Любой же более или менее толковый технолог скажет, что для производства предметов с той или иной точностью необходимы, как минимум, на порядок более точное производственное оборудование и измерительный инструмент. И опять же, если цивилизация Египта не была связана с китайской, европейской и американской, почему тогда там тоже полно пирамид?

– А разве пирамиды есть не только в Египте? – удивился Роман.

– Представь себе! Они повсюду. Похоже, в те времена это были типовые сооружения, как у нас сейчас «хрущевки». А раз так, то в те далекие времена существовали не отдельные племена с примитивным развитием техники, а намного более развитая технически, чем наша, цивилизация, покорившая всю планету. Вот только цивилизация эта не была цивилизацией людей, а цивилизацией существ, которые разводили наших предков, как скот. Разумеется, они не использовали людей, как рабов. Зачем, если роботизированный комплекс намного эффективнее? Мясо людей они тоже вряд ли ели, так как в этом случае бойни, а именно бойнями изначально были храмы богов, выглядели бы иначе.

На примере тех же пирамид или русских церквей мы видим строения, которые больше всего похожи на генераторы с излучателями, причем излучатели направлены вверх, в небо, а не в сторону земли. Отсюда напрашивается один единственный вывод: боги сгоняли людей в храмы, где выделяли из них нечто полезное, что потом передавалось на принимающую станцию на орбите. Этим продуктом были наши биологические энергетические поля или тела, после потери которых человек перестает быть человеком. Фактически, от него остается лишь живой труп. Более ценная составляющая человека, или его душа навсегда исчезает в чреве принимающей станции. Отсюда, кстати, и легенда о продаже души дьяволу, который сначала помогает своей жертве в ее земной жизни, а потом забирает навечно ее душу в ад.

Потом с богами что-то произошло, и они покинули землю. Оставшись одни, люди перебрались в постройки богов и уже сами начали пытаться угодить покинувшим их богам. А так как они в этом деле ничего не понимали, вместо отъема биоэнергетической души они стали отнимать у людей жизнь. Так появился обряд жертвоприношений. В принципе то же самое сделали создавшие карго-культ дикари. Слышал про карго-культ?

Его создали дикари с тихоокеанских островов. Во время войны с японцами американцы понастроили на тех островах военные базы с аэродромами. Самолеты привозили провизию, оружие обмундирование и прочую хренотень. Кое-что перепало и туземцам. Потом война закончилась. Американцы с островов ушли, а любовь к халяве осталась. И дикари решили привлечь внимание железных птиц. Они начали имитировать деятельность солдат. Построили самолеты из веток. Стали зажигать посадочные костры. Посадили дикаря с деревяшками у уха на вышку, как радиста. Так вот, – продолжил он после смеха. – Некоторые храмы такие же беспонтовые, как самолеты из веток, а некоторые еще работают. Поэтому от греха подальше...

А вот Жабя Петровна чуть ли не силой гнала Романа в храм для очищения ауры и кармы. Кроме этого она требовала, чтобы Роман развернул кровать в соответствии с биомагнитной сеткой земли; ел только растительную пищу, а минимум раз в неделю не ел и не пил вообще; вставал в 4 утра и медитировал и молился до восхода солнца. Сначала он пытался отнекиваться, но она была глуха к доводам здравого смысла. В конце концов, Колесник подсказал Роману выход и положения:

– А нафига ты с ней споришь? – спросил он во время очередной беседы за кофе. – Ты соглашайся, говори, что все выполняешь, а сам живи, как живется.

Это был весьма своевременный, полезный совет, так как Жаба Петровна терзала Романа до 13 часов, то есть с утра и до обеда. И что-то доказывать маловменяемому человеку каждый день по полдня было для Романа не самым приятным занятием. Решив, что она победила его тамастическое упрямство, Жаба Петровна переключилась на выявляющие паранормальные способности тесты, во время которых Роман демонстрировал исключительно среднестатистическую нормальность.

Возможно, Жаба Петровна доставала бы его целый день, но после обеда она отправлялась в астрал, где выполняла для Родины настолько секретное задание, что наверняка кроме нее о нем никто не догадывался. Несмотря на ее подробные объяснения, Роман так и не понял, чем является этот астрал. Скорее всего, потому, что «астрал, где кто-то насрал», его не интересовал.

Зато после обеда он попадал из эзотерического ада в рай: вторая половина дня принадлежала Раде.

Сначала она проверяла домашнее задание: Роман осваивал аутогенную тренировку, и каждый шаг сначала прорабатывался под руководством Рады, затем должен был повторяться дома перед сном, но Романа интересовала больше сама Рада, чем ее наставления, поэтому выполнял он их по большей части на словах, докладывая на следующий день о ходе воображаемого выполнения задания с акцентом на возникающие трудности. После этого Рада рассказывала что-нибудь интересное о возможностях гипноза. Затем проводила очередной сеанс, во время которого Роман отправлялся в чудесный мир грез.

При этом притяжение Рады с каждым днем росло по экспоненте, и уже через неделю он не мог представить себе жизнь без нее. Она же не замечала его чувств. Зато от косящего лиловым глазом Колесника ничего нельзя было утаить.

– Я бы стал целовать песок, по которому ты ходила, – пропел он нарочито противным голосом, увидев, как Роман смотрит вслед Раде.

К тому времени Роман действительно был готов целовать ее следы, и, пойманный хоть и не на столь радикальном проявлении своих чувств, он густо покраснел, что заставило его не на шутку разозлиться на Колесника.

– Да ты не бычься, – миролюбиво сказал тот, видя, что происходит с Романом. – Я ведь и сам в твои годы вот так с обожанием смотрел вслед одной. Так что для меня это, как привет из юности. Так что ты извини, если я позволил себе чего лишнее.

– Ну что вы... это я... как-то так... – растерялся Роман.

– Пошли лучше попьем кофе.

– Любовь, – вернулся к теме Колесник во время кофепития, – близкая родственница насекомых. Сначала она появляется в виде томления, постоянной мечты, которую ты не знаешь, как воплотить в жизнь, отчего чувствуешь себя неудачником и полным идиотом, а свою девственность воспринимаешь, как уродство. Затем, пробив девственность, как скорлупу яйца, любовь вырывается в мир, где начинает поглощать все твое свободное время и силы, так как ты либо думаешь о любви, либо занимаешься ею, неважно, с кем-то или сам. С годами эта одержимость проходит, и любовь обретает свою окончательную форму, становясь темой для разговора и не всегда приятными воспоминаниями.

– С завтрашнего дня будешь рассказывать мне все свои сны, – сказала Рада через неделю совместной работы.

На «ты» они перешли на второй день знакомства.

– Мне ничего не снится, – признался Роман.

– Теперь будет, – пообещала Рада.

Той же ночью он увидел во сне яркий фантастический фильм с собой в главной роли:

Планета сразу показалась мне подозрительной, да и как иначе, если температурные условия там, как на Земле; воздух пригодный для дыхания; реки, озера, моря, океаны полны жидкой воды, – рассказывал он Раде на следующий день. – В атмосфере 20% кислорода. Никаких опасных излучений... Не планета, а рай, но только совершенно безжизненный. Без малейших признаков зарождающейся или погибшей жизни. Как показывала практика, просто так необитаемыми подобные планеты быть не могут.

Решив не искушать судьбу, я активировал протокол безопасности высшего уровня, благодаря чему стал врагом персонала нашей геолого-разведывательной станции, состоящего из 8 геологов, врача и биолога в одном флаконе, инженера, он же начальник станции, и меня, начальника службы безопасности.

Людей можно было понять. Они уже настроились работать налегке, а в свободное время отдыхать на пляже, благо, на планете их было пруд пруди, но вместо этого по моей милости им предстояло таскать на себе скафандры, а все свободное время проводить на борту станции. И это без намека на потенциальную опасность! Скорее всего, меня заставили бы передумать, если бы не вмешался неожиданно Сергей Владимирович, врач-биолог.

Был он высоким, тощим мужчиной кавказской наружности. На станцию был сослан в наказание за то, что выставил из своей лаборатории менеджера по связям с общественностью и по совместительству любовницу начальника за то, что она попыталась учить его работать. До пенсии ему оставался год, поэтому отказаться от назначения на станцию он не мог.

– Кривцов прав, – сказал он, когда я уже готов был капитулировать. – Здесь просто обязана кипеть жизнь, а раз этого не происходит, то либо ее что-то уничтожило, причем со всеми следами, либо что-то, не дает ей закрепиться. Опять же, 20% кислорода на пустынной планете – нонсенс. Так что, пока мы не поймем, что здесь происходит, нам лучше не расслабляться.

В результате рекомендованный мной протокол был утвержден, а у персонала появился второй враг народа.

ЧП случилось на четвертый день нашего базирования. Я составлял отчет, когда в геологической лаборатории завизжала Лиза, трагически одинокая, бесцветная дамочка средних лет. Часы показывали 12—45 – прежде, чем отправиться туда, я автоматически посмотрел на циферблат. Эту привычку выработали у меня вереницы отчетов, в которых требовалось указывать точное время всех событий.

Когда я прибыл на место, Лиза уже не кричала. Она с безумным видом сидела за своим столом, по которому невозмутимо прохаживалось похотливое на мультяшного хамелеона существо. При виде его я с превеликим трудом удержался от крика. Мой разум отказывался принимать происходящее.

Правила запрещают держать на станции каких-либо животных. Нарушение чревато увольнением с занесением в черный список, а это хуже расстрела. Поэтому вряд ли кто рискнул бы держать здесь кого-нибудь контрабандой. К тому же лично я проводил предстартовый досмотр станции, и приборы наверняка бы зафиксировали безбилетного пассажира.

Прийти к нам с безжизненной планеты это существо тоже не могло минимум по 2 причинам: Даже если его каким-то образом завезли на планету, ему надо было бы чем-то питаться, причем не один год. И если даже допустить, что оно каким-то чудом здесь выжило, проникнуть на борт станции с принятыми мерами безопасности оно не смогло бы ни при каких обстоятельствах. Проще было бы попасть пешком с Земли на Марс.

Как я и предполагал, в контрабанде никто не признался.

Вскоре Фантом, так назвали гостя, стал любимцем коллектива. Когда он это понял, мы испытали еще один заставивший нас усомниться в своем психическом здоровье шок. За одну

ночь планета ожила, и когда взошло солнце, перед нами предстало буйство растений, а также ползающих, бегающих и летающих созданий. При этом все они были милыми, как на подбор.

– У меня есть только одно объяснение, – сказал на экстренном утреннем собрании биолог, и оно меня не радует, так как мы могли никого из них не замечать только в результате сверх развитой у этих созданий мимикрии. А так как природа крайне ленива, любое качество появляется и развивается только в случае необходимости и только до необходимого уровня. А раз так, то кто-то чертовски опасный заставил здешних обитателей настолько хорошо освоить искусство прятаться. И то, что мы не видим этих сверх хищников, мне не нравится больше всего.

– Но как они обманули приборы? – спросил начальник станции.

– Не знаю, – ответил биолог. – Техника не моя стихия.

А еще через 2 дня мы начали наткаться на местных жителей на станции в самых неожиданных местах.

– Я отменяю ваш протокол безопасности, – сообщил мне начальник станции на следующий день после этого. – Во-первых, здесь нет никакой опасности, а во-вторых, здесь он все равно не работает.

К сожалению, я не нашел, что ответить.

В тот же день станция превратилась в курорт. Наплевав на свои обязанности, люди до глубокой ночи резвились с местной живностью, которая поголовно оказалась ручной, игривой и безобидной. И только мы с бортовым врачом продолжали соблюдать правила безопасности.

– Не нравится мне это, – сказал он, глядя на разошедшихся геологов. – Мало того, что здесь слишком идеально, чтобы это было правдой, так еще и люди...

– А чем вам не нравятся люди? – спросил я.

– Они какие-то не такие. Кто-то иначе держит вилку за столом, кто-то стал по-другому говорить. Возможно, это моя паранойя, а может...

– Вы чего-то опасаетесь?

– Мне нужно еще кое-что проверить прежде, чем делать окончательные выводы, – сказал он.

Я хотел его разговорить, но меня вызвал начальник станции. При виде его счастливого, как у данов на рекламных плакатах, лица, я понял, что имел в виду доктор.

– В связи с изменением обстоятельств я планирую рекомендовать дирекции пересмотреть планы и выслать сюда несколько бригад для скорейшего переоборудования этого рая в курортную зону, – сообщил он и глупо хихикнул.

– Отличная идея, – ответил я.

– В таком случае, мне нужен ваш рапорт об уровне безопасности.

– Для этого мне нужно пару дней полетать вокруг планеты. Сделать по новой замеры и все такое.

– Может приступать.

Как и предполагалось, облик планеты изменился повсеместно, и везде я мог наблюдать лишь идиллию, как будто все здешние обитатели из кожи вон лезли, чтобы нам понравиться. Вернувшись, я увидел на улице доктора, который, как юноша, носился за мячом – они играли в волейбол.

А еще через 2 дня...

Сначала меня срочно вызвал начальник станции, а когда я отказался прийти, сославшись на боль в спине, он пришел ко мне с врачом.

– Нам нужен ваш аварийный код, – сказал начальник станции, решив не ходить вокруг да около.

– Зачем? – удивился я.

– Кто-то сменил коды доступа в бортовом компьютере, – сообщил он.

– Не может быть! Кто и зачем?

– Не дури. Мы знаем, что это ты, – зло ответил врач.

– Откуда такая уверенность? И потом, зачем мне это?

– Ты единственный, кто мог это сделать, – сказал начальник станции, и они с доктором превратились в двуногих монстров с огромными клыками и когтями.

– Дай нам аварийный код, и мы сохраним тебе жизнь, – сказали они. – Все равно отдашь, но тебе будет больно. Очень больно.

В ответ я рассмеялся. Тогда они бросились на меня, но я исчез до того, как они смогли ко мне приблизиться.

Забавно, но меня спасло то, что создавалось, как средство для нашего уничтожения, а именно Фантом. Для меня его появление стало личным вызовом, и все свои силы я направил на разгадку его появления. К сожалению, я слишком поздно понял, что он появился на станции потому, что не мог на нее проникнуть. Какой бы ни была способность этих существ к мимикрии, они не смогли бы обмануть следящую за безопасностью автоматику, а раз так, единственным слабым звеном были люди, причем подобраться к ним можно было лишь за пределами станции и крайне деликатно, так как их охраняла все та же автоматика, следящая, ко всему прочему за биологическими показателями людей.

Единственной брешью в нашей охране было сознание. Я это понял, когда случайно вспомнил прочитанный в детстве рассказ о планете, обитатели которой ориентировались, читая мысли друг друга. А там, где есть приемник, должен быть и передатчик, причем достаточно мощный для того, чтобы достать нас на орбите. Таким передатчиком была биосфера, каждый составляющий организм которой веками транслировал только один сигнал: Меня нет! Не знаю, как они находили друг друга при спаривании, мне это было не важно.

Когда мы легли на орбиту, приборы показали, что планета населена, но попавшие под ментальное излучение сознания увидели совсем иную картину, а именно пустую планету с идеальными условиями для жизни.

Когда, прошував наши сознания, аборигены поняли, что из нас получится отличная еда, они заменили одну галлюцинацию другой, так как мир всеобщего счастья и благоденствия тоже существовал лишь в нашем сознании. Фантом был пробным камнем, позволившим, кстати, аборигенам проникнуть на территорию станции благодаря отмене режима безопасности. После этого им не составило труда заменить собой людей. Надо отдать должное сообразительности этих тварей, идея планеты-курорта была просто великолепной, так как благодаря ее реализации они бы не только получили регулярные поставки еды, но и способ расселения в освоенной людьми части космоса.

К счастью, их способность читать чужие мысли не была совершенной, поэтому доктору и бросились в глаза перемены в поведении подмененных аборигенами людей. Не имея возможности считать мой персональный код доступа к системе, они были вынуждены временно сохранить мне жизнь. Воспользовавшись этим, я свалил со станции. Пока меня не было, я выделил их ментальную составляющую, поймав их, тем самым, в их же ловушку.

В результате, когда они пришли ко мне за кодом, в каюте их ждал мой фантом. Я же летел в спасательной капсуле подальше от погубившей моих коллег планеты. Когда капсула покинула зону их влияния, я отправил на Землю подробный отчет.

– Любишь фантастику? – спросила Рада, когда Роман закончил рассказ.

– Обожаю. А ты?

– Только если она правильная.

– А какая фантастика правильная?

– Фантастику пишут по двум причинам. Первая из них – бедность воображения автора и отсутствие знаний для описания реальных или реалистичных событий. Так для написания

детектива нужно знать, как работает милиция, прокуратура, суд. Для исторического романа необходимо чувствовать описываемую эпоху. Поэтому, решив, что описать полет к звездам намного проще, чем выучить историю космонавтики, нерадивые писатели начинают клепать всякую чушь, на которую нормальному человеку попросту жаль тратить время.

Вторая причина – богатство воображения и жизненного опыта писателя, в результате ему становится тесно в реалистичных жанрах. Такая фантастика расширяет горизонты и готовит читателя к встрече с неведомым.

Следующей ночью Роману приснился еще более удивительный сон.

Я был волком из племени волков, – рассказывал он. – Мы охотились на сны. О своей добыче мы знали все или почти все. Мы чувствовали сон еще до его появления, знали, каков он на вкус, и как будет себя вести.

Нашими врагами и конкурентами были огромные черные птицы с мощными клювами и сильными когтистыми лапами. Их возглавляла подстать им крыса, такая же мерзкая и огромная.

Мы делили равнину, где рождаются сны. Два народа, два племени... Мы зорко следили друг за другом. Иногда переругивались. Но нарушить границу не пытался никто, так как слишком много тогда пролилось бы крови.

Сны приносил слепой человек, пахнувший презрением и подлостью. Как обычно, он возник перед нами прямо из воздуха. В руках у него трепыхался сон. Он кричал, пытался вырваться, но у слепого человека крепкие руки. Несколько секунд слепец стоял неподвижно, словно окидывая нас взглядом своих невидящих глаз. Он упивался своей властью над нами, так как без него мы были никем. Понимая это, он не скрывал своей ненависти к нам. Более того, у него был целый арсенал подлостей, при помощи которых он портил нам жизнь.

Он мог измазать сон чем-то мерзко-вонючим или надеть на него железный ошейник, о который мы ломали зубы. Каждый раз он придумывал что-то новое, и нам приходилось быть начеку.

Наконец он подбросил сон вверх. Почуввав свободу, тот начал изо всех сил махать своими слабенькими крылышками, но неспособный далеко улететь, он обречен был погибнуть в чьих-либо зубах или клюве.

Я сидел с удочкой на берегу пруда, – рассказывал Роман в следующий раз. – Была ночь. В небе светила огромная, в несколько раз больше, чем обычно, полная луна, поэтому все было отлично видно. Вдруг лунная дорожка превратилась в широкую мраморную лестницу, по которой с неба на берег пруда сошел Иисус Христос.

Подойдя ко мне, он улыбнулся, обнажив вампирские клыки, и я чуть не умер от страха. – Знаешь, кто я? – спросил он.

Я кивнул, не имея сил даже бежать, так как мои ноги словно вросли в землю. Иисус не набросился на меня. Вместо этого он вскрыл похожим на коготь ногтем себе вену на руке.

– Пей кровь мою, – приказал он, и я проснулся от страха.

– Интересный сон, – решила Рада. – Интересный и знаковый. Он говорит о том, что ты уже достаточно глубоко проник в свое подсознание.

– Он что-нибудь значит? – спросил Роман, все еще находясь под впечатлением от этого сна.

– Образ вампира прекрасно подходит для метафорического описания человека, вставшего на путь познания. Во время встречи с тем, кто уже на пути, происходит инициация в виде метафорического обмена кровью, в которой, как считали древние маги, содержится душа животного или человека. Отсюда, кстати, берет начало запрет на употребление крови

в пищу в ряде религий. Для человека знания кровь, она же вино, это, с одной стороны, состояние знания в его чистом виде; с другой – знание, которое уже есть у человека. Отсюда библейский призыв Иисуса означает приглашение вкусить кровь пробужденного или познавшего. Так вот, обмен кровью вызывает у вновь обращенного искателя знания голод познания, который по мере утоления лишь усиливается до бесконечности.

– Я так понял, что под знанием ты подразумеваешь просветление?

– Так его тоже называют.

– Но разве просветление совместимо с голодом?

– Просветление и есть голод, но голод иного уровня, который мы в своем нынешнем состоянии не можем себе даже представить.

– Тогда почему все говорят о просветлении, как о блаженстве?

– А еще о нем говорят, как о тотальной пустоте, которая и есть голод. Тебе это кажется противоречивым, потому что тебе знаком лишь голод тела и голод спящего ума. При этом голод спящего ума есть лишь приносящая страдание тоска по истинному голоду. В отличие от нее голод в чистом виде – это являющаяся предельной наполненностью собой пустота, сияющая внутренним светом. Об этих вещах крайне трудно говорить, так как наш язык очень плохо приспособлен для описания подобных переживаний.

Несколько недель Роман не видел сны, а потом ему вновь приснился пылающий дом с пляшущими перед ним людьми. На этот раз он танцевал с другими.

К нему подошла женщина в длинном платье цвета лунного света. Ее лицо скрывала серебряная маска.

– Знаешь, кто я? – спросила она.

– Ты та, кого я ищу, – ответил Роман. – Ты алая женщина. Моя алая женщина.

– Угадал, – рассмеялась она и сняла маску. Это была Рада.

Она оскалила вампирские зубы и вонзила их Роману в шею. Но вместо того, чтобы пить его кровь, она влила в него свою.

– Свершилось, – торжественно произнес мужской голос, и Романа выбросило из сна.

– Надеюсь, вы с хорошими новостями? – спросила Софья Сергеевна, разливая по чашкам «Большой красный халат» (сорт чая).

– Думаю, что да, – ответил Максим Харитонович, беря пирожок с луком и яйцами.

Шел дождь, и они пили чай на веранде. На Софье Сергеевне был темно-серый летний брючный костюм и черные туфли на высоких каблуках. Максим Харитонович был в джинсах, футболке «Кисс», ветровке и болгарских кроссовках.

– Наш друг оказался темной лошадкой, – приступил он к докладу. – Глубоко в подсознании он связан с неким Зеркалом Пророка. И как гласит легенда...

Юный принц Грей ехал по лесной дороге на своем коне, напевая веселую песню. Он был счастлив. Еще бы! Сегодня на балу должны были объявить о его помолвке с Мартой – дочерью старинного друга отца, великого герцога Грэма. Этот брак был одним из тех редких исключений, когда расчет не противоречит любви. Принц Грей и Марта давно уже испытывали друг к другу нежные чувства, которые со временем становились только сильнее.

Из мечтаний его вывели крики о помощи, доносившиеся из леса. Не долго думая, принц пришпорил коня и помчался на крик. Вскоре он увидел ужасную картину. К дереву был привязан монах – аскетического вида мужчина преклонного возраста. Вокруг него суетились трое крепких, высоких парней в длинных, черных одеждах с капюшонами, скрывающими их лица. Они пытали монаха, прижигая его худое тело огнем. Монах истошно кричал и звал на помощь.

Принц Грей выхватил меч.

– Именем короля приказываю вам прекратить! – приказал он.

– Не вмешивайтесь, принц, это дело вас не касается, – сказал один из молодчиков.

– Меня касается все, что происходит на земле моего отца, – ответил ему принц.

– Вы не понимаете, во что ввязываетесь. Езжайте своей дорогой. Вас ведь ждет возлюбленная, не так ли?

Принца удивило, насколько эти люди осведомлены о его делах, но он не подал вида.

– Вы либо добровольно последуете со мной на суд моего отца, либо я отведу вас туда силой.

Молодчики выхватили мечи, которые были у них под одеждой. Начался бой. К счастью, принц был прекрасным фехтовальщиком, способным постоять за себя и перед более сильным противником. Вскоре один из нападавших был убит, а остальные бросились бежать.

– Благодарю тебя, храбрый принц, – сказал монах, когда тот отвязал его от дерева и помог перевязать раны.

Затем принц снял капюшон с головы убитого. Это был незнакомый мужчина явно знатного происхождения.

– Кто эти люди, и чего они от тебя хотели? – спросил монаха принц, – на разбойников они не похожи, да и ты не из тех, кем могут заинтересоваться грабители.

– Эти люди – служители сил тьмы. А хотели они узнать, где хранится Зеркало Пророка, и кто тот избранный, для кого Пророк его сделал.

– Это Зеркало дарует силу и власть? Наделяет здоровьем и долголетием? Защищает от смерти, ранений и колдовства? Или позволяет находить спрятанные под землей сокровища?

– Оно не делает ничего из того, о чем ты сейчас говорил, принц, – ответил монах. – Это Зеркало позволяет заглянуть в самую суть себя и увидеть свое внутреннее лицо, которое есть Лицо Господа. Это то, о чем мечтали и мечтают лучшие из мудрецов, как древних, так и тех, кто ныне живет среди нас.

– И что это дает? – спросил принц, не понимая, о каком лице говорит этот странный монах.

– В обычной практической жизни ровным счетом ничего.

– Тогда я тем более не понимаю, зачем оно нужно?

– Есть и другая жизнь, принц.

– Другая жизнь меня не интересует.

– Кто знает, принц. То, что не интересует сейчас, становится наваждением завтра, и наоборот. Так что, если захочешь, ты сможешь меня найти на берегу озера под Древним дубом.

Дома принц рассказал обо всем отцу.

– Ты действительно зря ввязался в эту историю. Я слышал об этих людях. Они не из тех, кто любит шутить, а в бою им нет равных. И то, что ты в одиночку одолел троих, говорит лишь о том, что они сами того захотели. О том же монахе давно ходят нехорошие слухи. Говорят, он отрекся от служения Богу ради могущества колдовства. Однажды, когда был особенный неурожай, крестьяне решили, что это дело его рук. Они отправились в лес, чтобы проучить монаха, но так и не смогли к нему подойти. Монах наслал на них такой ужас, что они в панике бросились бежать. И это те люди, что с ножом смело идут на медведя.

– Послушай, отец, разве не ты всю жизнь учил меня жить по законам чести, быть справедливым и всегда защищать слабых?

– Ты прав, сын мой. Ты действительно не мог проехать мимо, но тебе совершенно не нужно было слушать монаха. Ну да что теперь об этом говорить. Дело сделано. Будем надеяться, что все обойдется.

– Неужели ты боишься мести этих людей? – спросил принц, видя, как встревожен его отец.

– Эти люди не опускаются до обычной мести. Но в одном монахе прав. Этот мир – далеко не единственный, и есть невидимые, но очень могущественные силы, и не дай бог неподготовленному человеку с ними столкнуться.

Слова отца заставили принца задуматься, но не надолго. Вскоре начали съезжаться гости. Всех надо было встретить, уделить внимание... На мысли времени не было.

На балу, который начался сразу же после грандиозного ужина принц торжественно попросил руки своей возлюбленной Марты у ее отца.

– Как ты собираешься доказать моей дочери свою любовь? – спросил великий герцог Грэм.

Предполагалось, что доказательством любви будет участие принца в турнире, но, сам не ведая почему, он вдруг сказал:

– В доказательство своей любви я готов отыскать и положить к ногам Марты Зеркало Пророка – реликвию, которую, как говорится в легенде, Пророк сделал своими руками.

– О каком зеркале ты говоришь? – удивленно спросил великий герцог.

Принц ничего не оставалось, как рассказать о своей встрече с монахом.

– Думаю, это будет королевским подарком, – согласился с принцем великий герцог, – и даже если твой поход по независимым от тебя причинам окажется неудачным, я приму его как доказательство любви, если ты покажешь себя в нем достойным человеком. В чем я, разумеется, ничуть не сомневаюсь.

– Именно этого я и боялся, – тихо прошептал король.

Но решение принца взволновало не только его. Марта тоже была категорически против этой затеи.

– Ради нашей любви, ради всего святого, откажись! – умоляла она принца, когда они выкроили несколько минут, чтобы побыть наедине, – Ты не должен за ним идти!

– Я не могу этого сделать, – ответил принц, – я поклялся честью, и не могу отступить от своей клятвы.

– Но ты же можешь сказать, что Зеркала нет, что это только легенда. Сошлись на монаха. Только рада бога оставь это проклятое Зеркало в покое!

– Как ты можешь просить меня сделать такое?!

– Я чувствую, что с этим Зеркалом ты потеряешь все! Потеряешь меня, потеряешь себя, потеряешь нашу любовь. Ты не вернешься больше никогда! И ради чего? Ради какого-то Зеркала, которого, может, и нет вовсе. Мне не нужен этот подарок. Мне нужен ты!

– Я делаю это ради чести и достоинства. Ты самая прекрасная девушка на Земле, и я должен доказать, что достоин тебя.

На следующий день принц был в келье монаха.

– Расскажи, как мне найти Зеркало? – выпалил он буквально с порога.

– Твоя горячность говорит о том, что я действительно не ошибся, и ты тот самый рыцарь, которому суждено отыскать эту святыню. Зеркало находится в башне замка. Стоит тот замок на краю утеса в городе, над которым солнце движется с запада на восток.

– Но как я найду это место?

– Путь подробно описан в Книге Снов. Сядь, я прочту тебе нужное место.

Принц сел на грубо сколоченный табурет, а монах достал из тайника очень древнюю книгу. Открыв ее, он начал медленно читать нарастающим на странном, совершенно незнакомом принцу (а принц был известен хорошим образованием) языке.

По мере чтения слова начали превращаться в руны, которые, вспыхивая золотым пламенем, проникали прямо в мозг принца.

– Теперь дорога навсегда запечатана в твоей голове, – сказал монах, давая понять, что разговор окончен.

Одновременно с этим принц понял, что он не в силах отказаться от поиска Зеркала, что они теперь навсегда связаны друг с другом.

Менее чем через месяц принц отправился в путь с небольшой дружиной. Он взял только самых лучших воинов из самых преданных друзей.

– Иногда судьба не дает нам выбора, – сказал, смирившись, отец, благословляя принца в дорогу.

– Пусть эта вещь напоминает тебе обо мне, – Марта подарила на прощанье принцу медальон со своим портретом.

Она хотела еще что-то сказать, но передумала.

– Прощай, – прошептала она, глотая слезы, когда он достаточно далеко отошел, чтобы ее не слышать. Она знала, что ему не суждено будет вернуться.

Поиски затянулись на долгие годы. Это был трудный, наполненный опасностями, лишениями и страданием путь. Всю дорогу за дружиной принца следовала смерть, забирая положенную ей дань. Были чужие войны, в которых, тем не менее, приходилось принимать участие, было отчаяние, была боль утраты друзей, которые буквально на глазах погибали в тяжелых мучениях, и которым нельзя было помочь. Были подвиги, но были и предательство, унижения и позор. А некоторые события принц предпочел бы не вспоминать никогда.

Поход полностью перековал принца. Он больше не был тем благородным юношей, который ради чести и любви отправился за Зеркалом. Теперь это был уставший, отчаявшийся и разочаровавшийся во всем человек. Он лишился руки и глаза, а из тех, кто отправился с ним, в живых оставалось только трое. Еще несколько человек примкнули к ним по дороге.

Потеряв все, что только можно было потерять, они принесли множество страданий и другим людям; очень часто тем, кто не сделал им ничего плохого. Всюду, где появлялся отряд принца, были кровь и разрушения. Сначала это происходило как бы против его воли, но позже принц понял, что таким образом мстит всем и вся за потерянную в бесконечных поисках душу. Принц потерял дом, потерял любовь, потерял себя, потерял все, ради какого-то Зеркала, которое он теперь проклинал каждое утро. Зеркало было единственной оставшейся у него вещью, заставляющей его жить. Принц поклялся его найти, чего бы это ему ни стоило.

И вот однажды, больше похожие на группу оборванцев, чем на боевой отряд, принц вместе с дюжиной чудом оставшихся в живых бойцов вышел к городу, над которым солнце движется с запада на восток, к городу, где хранилось заветное Зеркало.

Город поразил его своим величием. По сравнению с ним столица отца выглядела как бедная деревня. Город стоял на горе, подножие которой с трех сторон было окружено высокими крепостными стенами. С четвертой стороны была отвесная скала, сразу за ней начиналось бескрайнее море. На самой вершине скалы была башня, где в ларце из редкого дерева хранилось Зеркало. Оно ждало принца, и в этом его ожидании принц увидел дьявольскую усмешку.

Вдруг городские ворота отворились, и навстречу принцу вышел весь гарнизон города. Огромная армия построилась перед городской стеной. Пехота в легких, но, тем не менее, прочных доспехах, лучники, кавалерия, боевые слоны...

Эта армия была непобедима, но отступить принц уже не мог. Для него приближающаяся смерть была избавлением.

– За мной, друзья, – закричал он остаткам своей дружины, всем тем, кто, как и он, предпочитал смерть позору.

Во главе своего отряда принц помчался на врага, но, о чудо! Вместо того чтобы вступить в бой армия приветствовала принца! Войска расступились перед ним, позволив беспрепятственно войти в город.

Принц не замечал ни прекрасных дворцов, ни удивительных храмов, ни красивейших садов, полных экзотических животных, с которыми совершенно безбоязненно, даже с хищниками, играли дети. Он не видел ничего, кроме дороги к башне, где лежало проклятое Зеркало.

Конь не выдержал и упал перед входом в башню. Принц даже не стал его добивать. Он мчался вперед, к Зеркалу, уничтожившему его жизнь.

Наконец, последние ступени были преодолены, и принц увидел Зеркало. Оно лежало в потемневшем от времени деревянном ларце на высеченном из глыбы прозрачного камня алтаре.

Единственная рука принца тряслась так, что он не смог даже открыть замки, на которые был закрыт ларец. Устав от безрезультатных попыток, принц разрубил его мечом.

Зеркало разочаровало принца. Это была небольшая прямоугольная пластина из серого, местами почерневшего от времени металла размером 10 на 15 сантиметров. Ни оправы, ни украшений на нем не было.

Посмотрев в Зеркало, он не увидел там ничего. Даже тень не отразилась в его поверхности.

– Будь ты проклято! – закричал принц, – а вместе с тобой будь проклят и я!

Он схватил Зеркало и бросился вместе с ним со скалы в море. Но ему не суждено было погибнуть. Перед ним расступилось само время, и он услышал голос Пророка.

– Ты потерял себя, потерял свою душу, потерял лицо, потерял все, вместо того, чтобы найти. И теперь ты будешь идти от жизни к жизни, в вечном поиске Зеркала и собственного лица. Лишь, когда ты вновь обретешь лицо, и оно в мельчайших подробностях отразится в Зеркале, ты обретешь то, что обрел бы уже сейчас, если бы сумел сохранить хоть маленькую частицу себя. Да будет так!

Время сомкнулось над головой принца.

– Кроме этой легенды ни о Зеркале, ни о Пророке практически нет никакой информации. Известно лишь, что Пророк был непревзойденным мастером времен працивилизации. Он сотворил Зеркало, как ритуальный подарок богине.

– Какой богине?

– До нас не дошло ее имя. Как считает Колесник, отсутствие имени символизировало то, что она единственная богиня. Перемещаясь из века в век, Зеркало воскрешает связанных с ним персонажей, которые разыгрывают написанную Пророком пьесу. При этом у Зеркала есть весьма существенный побочный эффект. Оно настроено на одного единственного оператора. И если к нему прикасается кто-то другой, оно буквально выворачивает его наизнанку. Сначала мы решили, что это – очередная выдумка вроде Копья Судьбы, но позже в архивах были обнаружены свидетельства того, что зеркало существует. По крайней мере, из века в век люди погибали именно так, как должно убивать Зеркало.

– И оператор? – спросила Софья Сергеевна, предвкушая ответ.

– Похоже, им является наш друг. Более того, после активации связь с Зеркалом должна его к нему привести. Отсюда следует, что покушаться на нашего друга могли не только для того, чтобы сохранить в тайне местоположение Зеркала, но и для того, чтобы активизировать при помощи стресса его связь с Зеркалом, начав тем самым новый виток игры.

– Какие будут предложения?

– Думаю, стоит дать ему привести нас к Зеркалу, а там...

– Хорошо. Приступайте к организации утечки информации, а заодно и обработайте нашего парня.

В том, что в «Лабиринте» далеко не все так мило и безобидно, как ему казалось, Роман убедился на первом же собрании коллектива, которое состоялось 22 сентября.

Не успел он поздороваться с Жабой Петровной, в ее кабинет влетел Колесник.

– Все срочно ко мне, – приказал он.

– Что случилось? – спросил Роман.

- Общее собрание коллектива. Раньше сядем...
- Он всегда перед собранием, как в жопу клюнутый, – сообщила Роману Жанна Петровна, когда за Колесником закрылась дверь. – Пошли. И захвати для нас стулья.
- Кроме известных уже персонажей в кабинете присутствовали еще двое: маленький, толстый, лысый тип 50 лет в застиранной рубашке, мятом костюме и дешевых туфлях отечественного производства; и дама средних лет, похожая злобным надзорно-педагогическим взглядом на проверяющую из районо. На ней был сарафан, ветровка и туфли на небольшом каблуке. Роману эти люди не были знакомы.
- Дамы и господа, а также товарищи и товарищи, – начал свою речь Колесник, когда все собрались. – Социалистическое Отечество вновь требует жертв. В частности от нас требуется предоставить 5 человек. Какие будут предложения?
- Все, как это обычно и бывает, молча уставились на докладчика.
- Я предлагаю Гришку Масона, – сообщил Колесник, выдержав паузу.
- А его разве выписали? – спросил толстяк, которого Алексей мысленно прозвал инженером.
- Одно другому не мешает, – решила «проверяющая». Возражать никто не стал.
- Жанна Петровна, а вы что скажете? – спросил Колесник.
- Даже и не знаю. Кружок Ничепуренко. Разве что только.
- Жанна Петровна, – произнес Колесник таким тоном, словно она была сделавшей на ковре лужу собакой, – Вы до пяти считать умеете?
- Ну да, там больше 20 человек, – поддержала его «проверяющая».
- Тогда Эвольду Марченко и обоим ее хахалам. Нечего тут бордель разводить, – как-то слишком уж эмоционально сказала Жанна Петровна, а потом покраснела.
- И того четыре, – подытожил Колесник. – Последний голос за вами, – сказал он Раде.
- Мне некого предложить.
- В таком случае пусть это будет Жека Китос, – предложила «проверяющая».
- Отлично, – обрадовался Колесник. – Вопросы есть? Нет? В таком случае предлагаю перейти к подготовке к спиритическому сеансу. Свои обязанности все знают? Приступайте. Роман пойдет со мной за духовной пищей.
- Куда идем? – спросил Роман, – когда они вышли на улицу.
- Вестимо куда. В магазин за водкой.
- Понятно. Духовная пища.
- А ты не ерничай. Знаешь, как по-латыни будет спирт?
- Как?
- Спиритус. Как душа или дух. Отсюда, кстати, неразрывность нашей русской духовности и употребления спирта. А знаешь почему?
- Откуда ж?
- Спирт – топливо для духа. Его использовали для окрыления сознания.
- Роман улыбнулся, представив себе окрыленного сознанием алкаша.
- А ты не лыбься. Спирт надо принимать в малых дозах на подготовленное сознание.
- А если им залить тупую башку... – сказал Колесник уже на пороге магазина.
- Немного подумав, он взял 2 бутылки водки и 3 вина «Российское».
- Помогите, – попросил он Романа, доставая из кармана брюк авоську.
- Пока Роман складывал туда бутылки, в магазин вошли двое строгого вида мужчин.
- Вы почему это в рабочее время?... – начал укоризненно один из них, но Колесник не дал ему договорить.
- Спокойно, товарищи, – сказал он, сунув им под нос удостоверение.
- Служим Советскому Союзу, – от неожиданности выдали они.
- Вольно, – скомандовал Колесник, и они с Романом вышли из магазина.

– Давай присядем. Разговор есть, – сказал Колесник, когда им попалась свободная лавочка.

– Что ты вынес из сегодняшнего собрания? – спросил он после того, как они уселись.

– Если честно, я ничего не понял, – признался Роман.

– А должен понимать следующее: Мы живем в стране с плановым укладом жизни. Так?

– Так.

– А раз так, то у нас все носит плановый характер, включая борьбу с врагами Отчизны и прочими несознательными элементами.

– А это как? – удивился Роман.

– А это так, что существует негласная разрядка на выявление товарищей, которые нам совсем не товарищи. При этом чревато как невыполнение, так и перевыполнение этого плана. С невыполнением плана, думаю, все понятно. Перевыполнение чревато двумя вещами: с одной стороны, оно может стать поводом для увеличения плана; с другой, – чрезмерный разгул антисоветизма попахивает обвинением в халатности: дескать, с чего это вы развели тут анархию под носом? Как курирующие нас товарищи, которые нам более чем товарищи, решают проблему с перевыполнением плана, нас не касается. Зато когда у них бывает нехватка негодяев, они обращаются к нам за помощью. Как сегодня, – говоря это, Колесник с откровенно наигранным пафосом произносил слово «товарищи», явно издеваясь над всем тем, что стояло за этим понятием.

– И вы сдаете своих? – дошло до Романа, отчего ему стало противно.

– Ну, совсем своих мы, понятное дело, не сдаем, но регулярно указываем курирующим нас товарищам на тех заблудших псевдотоварищей, которые в своем эзотеризме заходят за грань советской идеологии, ставя тем самым под сомнения идеи Ленина, Маркса и Энгельса.

– И что с ними потом бывает?

– Ну, сейчас не 37-й год. Расстреливать никого не расстреливают. Чаще кладут в больницу. Иногда сажают. А в некоторых случаях ограничиваются парой-тройкой бесед. И тут ничего не поделаешь, так как служим мы с тобой в КГБ, а КГБ – это комитет гнобления ближнего. И здесь либо ты помогаешь Родине в этом гноблении, либо сгнобят тебя. Третьего не дано. Конечно, если ты готов принести себя и своих близких в жертву каким-нибудь одеялам, только скажи, и мы тебя тут же внесем в очередной паек для Минотавра. А если нет, научись корчить рожу так, чтобы никто не усомнился в твоей лояльности Родине и комитету, а, сдавая людей, старайся скормить Родине наиболее бесполезных.

– Но я никого не знаю.

– Это пока. Когда-то мы все никого не знали. И ты не думай, тут бесполезных не держат, поэтому к тому моменту, когда ты перестанешь быть интересным в качестве подопытного, постарайся найти, чем ты можешь быть полезен.

– Спасибо. Я подумаю над вашими словами, – сказал Роман, у которого от этого разговора стало окончательно скверно на душе. Разумеется, он ни в чем таком не хотел участвовать, вот только Колесник был прав.

– Это, конечно, слабое утешение, но Родина и без твоей помощи будет пожирать людей, а так ты сможешь спасти от ее пасти хоть кого-то достойного. Ладно, пошли, а то водка стынет.

Когда они вернулись, стол был уже накрыт в помещении с надписью «Архив» на двери. Это была просторная комната, расположенная между кабинетами Жанны Петровны и Рады.

С первого же взгляда Роман понял, что «Архив» никогда не использовали в качестве архива, так как вместо стеллажей с папками там стоял старый, но еще живой сервант с посудой, а основную площадь помещения занимал раздвинутый стол, накрытый клеенкой. На столе присутствовали колбаса, сыр, соленья, бутерброды с икрой, бутерброды с печеночным паштетом, салат из помидоров, огурцов и репчатого лука, заправленный подсолнечным маслом, и хрустальная «лодка» со шпротами, которых туда выложили банки три.

– За чистоту междурядий наших рядов, – произнес Колесник первый тост, и пьянка началась.

В роли тамады выступал Колесник. Он выдавал один язвительный тост за другим, причем делал это по мере появления очередной «гениальной» идеи, а они в тот день чуть ли не стояли в очереди у входа в его сознание. Колесник частил, но, будучи крепкими спиритуалистами, его подчиненные достойно держали темп. Все кроме Романа.

К тому моменту, когда Колесник выдал: «Мы рождены, обратно не засунешь», – у него уже плыло перед глазами. Сказались плохое настроение и малый спиритический опыт. Его родители не были маниакальными сторонниками трезвости, и во время праздников позволяли выпить немного вина лет, наверно, с пяти. Сам же он успел напиться только однажды, на выпускном вечере в школе.

– Ты как, нормально? – участливо спросила сидевшая рядом Жанна Петровна.

– Пожалуй, не очень, – признался Роман. – Пойду подышу воздухом.

– Тебя сопроводить?

– Спасибо. Я сам.

Опьянение нарастало, и уже на полпути к остановке Роману приходилось держаться изо всех сил, чтобы не отключиться прямо на тротуаре. К тому моменту, как кто-то взял его под руки и куда-то повел, он уже не осознавал, что происходит.

Роман медленно выныривал из небытия. В каждой клеточке его тела царил похмелье. Тошнило сильно, но без позывов к рвоте. В первые несколько секунд после пробуждения он был настолько дезориентирован, что не смог бы назвать и свое имя, но постепенно сознание начало включаться, и он с удивлением понял, что находится в незнакомой комнате, и что на нем надета чужая пижама.

Комната была, как комната. Белый потолок. На стенах обои в цветочек. На окне достаточно прозрачные шторы, чтобы в комнате, несмотря на них, было светло. Кроме разложенного дивана у окна, на котором и спал Роман, там был шифоньер, комод и тумбочка возле кровати. На полу лежал ковер, за границами которого виднелся пол: крашенное в абрикосовый цвет ДВП.

Роман совершенно не помнил, где он, и как сюда попал, так как последним его воспоминанием была дверь в «Лабиринт». «Увидел на миг ослепительный свет», – вспомнились слова песни.

Попытка сесть, поставив ноги на пол, принесла приступ головной боли и головокружения. Дождавшись, когда комната перестала крутиться перед глазами, Роман встал, но, сделав несколько неловких шагов, упал, ударившись плечом о шкаф. Через несколько секунд в комнату вошел мужчина средних лет. Это был высокий, спортивно сложенный человек с красивым, породистым лицом, одетый в спортивные брюки и футболку. Его густые черные волосы были коротко острижены.

– Ты как, живой? – участливо спросил он, увидев Романа, лежащим посреди комнаты.

– Не знаю, – ответил Роман, которому было стыдно за это падение.

– Помочь встать?

– Не знаю, – повторил Роман, чувствуя себя идиотом.

– Тогда, может, помочь тебе вернуться в постель?

– Мне бы в туалет, – признался Роман, превозмогая стеснительность.

– Тогда пойдём. Я помогу.

– Я лучше так, – ответил Роман, становясь на четвереньки.

– А что, тоже выход, – оценил незнакомец, который, судя по всему, был хозяином квартиры. К счастью для Романа он не засмеялся, а то тот бы от стыда провалился сквозь землю.

– Иди сюда, – пригласил незнакомец на кухню, когда Роман выбрался из туалета.

– Выпей, – сказал он, поставив на стол перед Романом чашку с мутно-коричневой жидкостью, когда тот забрался на табурет.

– Что это?

– Крепкий чай с молоком и сахаром. То, что тебе нужно.

Пить хотелось страшно, но Роман испугался, что не добежит до сортира, пригуби он это пойло.

– Пей. Такой чай не то, что с удовольствием станешь пить на трезвую голову. Но после перепоя каждый глоток воспринимается, как капля дождя, упавшая на иссушенную почву пустыни.

Это сравнение придало Роману смелости, и он осторожно пригубил чай, который действительно показался напитком богов. К тому моменту, как он допил чай, в голове прояснилось. Не то, чтобы он полностью пришел в себя, но мозги уже начали работать, а тело обрело прямохождение.

– Ну как, ожил? – спросил хозяин квартиры.

– Вроде того.

– Еще будешь?

– Может, позже.

– В таком случае пришло время серьезно поговорить.

– Я не помню, как я и что... – поспешил заверить Роман.

– Об этом тоже, но я начну о другом, – перебил его хозяин квартиры. – Мое имя Игнат Валерьевич. Кто ты, я знаю, так как о тебе рассказывала Рада.

– Так вы?.. – обрадовался Роман, решив, что перед ним ее отец.

– Ее друг и коллега в одном важном деле, профанация которого превратила его для непосвященных в посмешище, – вновь перебил он Романа. – Я говорю о религии.

– Вы сектант? – насторожился Роман, который наслушался о сектантах немало ужасных вещей.

– Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под словом «секта». Что ты скажешь, если я скажу, что Советский Союз является огромной тоталитарной сектой. Причем именно религиозной?

– Даже не знаю, – растерялся Роман.

– А ты сам подумай: Непогрешимым авторитетом для членов этой секты является святая троица: Маркс, Энгельс и Ленин. Причем Ленин канонизирован чуть ли не как бог. Руководящим всеми сторонами жизни сектантов сводом законов является святое писание в виде сочинений Ленина и классиков марксизма. При этом сочинения Ленина играют роль Нового Завета, более правильного и непогрешимого, чем Завет Ветхий, состоящий из трудов Маркса. От лица непогрешимых авторитетов, руководствуясь непогрешимым Писанием, основной массой сектантов руководит организация, состоящая из номинально наиболее достойных и наиболее верующих в непогрешимость канонизированный сектой догмат, а именно КПСС, которая, в свою очередь, официально является непогрешимым и непререкаемым авторитетом для всех участников секты. Глава партии является наместником и непогрешимым представителем этих авторитетов на Земле, как тот же папа римский в католическом мире.

После этого он, не дав опомниться Роману, резко сменил тему:

– Так вот, все религии можно разделить на 3 группы. Первая и самая распространенная религия – это религия рабов. Она наиболее незатейливая и инфантильная. Ее задача – штамповать покорных воле жрецов рабов. Кстати, глупости являются неотъемлемой необходимой частью как религии для рабов, так и службы в армии, так как глупости – это первый шаг на пути к мерзостям, которые и солдаты и рабы должны быть готовы творить по приказу господина, так как приучение к глупостям заставляет нас не замечать всю нелепость нашего поведения, ведь, обучаясь постоянно делать глупости, мы обучаемся их с легкостью оправдывать, и они

уже перестают нам казаться глупостями, превращаясь в традиции, святыни, дань чему-то там и так далее. Поэтому, когда перед нами встает выбор: сделать гадость или лишиться всего, мы легко ее делаем и даже гордимся этим, находя для нее оправдание, так как именно это мы умеем делать лучше всего.

Второй тип религии – это религия господ. Раньше это были особые культы, к которым допускались лишь представители правящих сословий. Потом их сменили тайные общества. Для этой религии характерны иерархичность и стремление к абсолютному контролю и порядку.

Эти две религии прекрасно дополняют друг друга, но есть еще третья религия: религия свободных одиночек. Она не организована. Исповедующие ее люди объединяются лишь в относительно небольшие группы, когда им по пути. Главная их задача – трансформация собственного сознания. Эта задача требует полной самоотдачи, но игра стоит свеч, так как в случае успеха преобразованное сознание приобретает способность вмещать в себя всю вселенную, и даже больше, чем вселенную.

Во все времена сторонники этой религии подвергались гонениям, как со стороны господ, так и со стороны рабов. Дело в том, что по иронии судьбы институт рабства кажется рабам священным даже больше, чем их господам. Поэтому раб никогда не мечтает о свободе. Рабу нужен свой раб. Свобода ему ненавистна, так как она обесценивает все то, ради чего он живет и чем гордится.

Это как в сказке про Данко, которую Горький переделал в угоду большевикам. Изначально, когда Данко вырвал свое сердце, и оно осветило ночь, люди увидели все свое уродство, грязь, бескрайнее болото, из которого, казалось, не было выхода. Увидев это, возненавидели они Данко и забили его до смерти, заставив сердце погаснуть. И лишь когда наступила тьма, они вновь почувствовали себя спокойно.

Точно также ненавидят они каждого просветленного человека, так как рядом с ним они видят свое уродство и убожество, поэтому никому не позволено открыто привносить свет в этот мир.

Ненависть к третьей религии со стороны господ тоже понятна: принадлежащие к ней люди бросают вызов столь любимой господами пирамиде власти, и их стремлению любой ценой оказаться как можно ближе к вершине. На фоне просветления их деятельность выглядит мелкой и глупой, а этого они не могут позволить ни под каким видом.

Не удивительно, что представители третьей религии на протяжении тысячелетий держат свою деятельность в тайне.

Мы относимся к третьей религии, но мы хотим сделать для нее то, чего еще никто не делал раньше: мы пытаемся подойти к ней с позиции современной науки, сделав процесс обретения просветления настолько простым и доступным, насколько это возможно. Думаю, теперь ты понимаешь, насколько нам важно сохранить в тайне факт нашего существования?

– Тогда почему вы мне это рассказываете? – насторожился Роман, интуитивно чувствуя, что его хотят втянуть во что-то нехорошее.

– Видишь ли, Роман... Ты хороший, способный, умный парень. Ты мне нравишься. Ты заставляешь себя уважать. При других обстоятельствах я многое отдал бы за возможность видеть тебя среди нас. Но ты засветился. Сначала тебя вычислили какие-то радикалы, а потом на тебя обратил внимание КГБ, резонно решив, что раз тебя пытались убить, значит, ты достаточно для этого серьезен. Они оказались правы, и ты легко вычислил Радугу. Ты фактически ее сдал, благо, никто не обратил на твои слова должного внимания.

– Я не знал. А так бы я ни за что бы ее не предал! – слишком уж горячо сказал Роман и, смутившись, покраснел.

– Не стоит переоценивать свои силы. Эти люди умеют читать таких, как ты, и пока ты о нас знаешь, мы все находимся в опасности. И согласишься, наше дело слишком важно, чтобы позволить себе так рисковать.

– Вы что, хотите меня... – прошептал побелевший от страха Роман.

– Ну что ты. Если бы мы хотели тебя убить, мы бы устроили тебе несчастный случай еще вчера, когда ты был достаточно пьян, чтобы твоя смерть от падения с лестницы в подъезде дома не вызвала подозрения. Я лишь закрою для тебя дверь в мир высших состояний. Ты забудешь все, что знал про меня, потеряешь способность узнавать людей силы, перестанешь быть интересным для своих хозяев. Ты будешь жить обычной жизнью обычного человека, о которой мечтал всю свою жизнь. Так что тебе нечего бояться.

– Вы не обманываете?

– А смысл? Мы бы могли все сделать вчера, и ты бы сейчас проснулся после обработки на каком-нибудь пустыре. Но я пригласил тебя сюда и рассказываю все это из чувства уважения, так как я хочу, чтобы ты понял, что у меня нет другого выбора. Потому что иначе, когда ты выдашь Раду, а рано или поздно ты это сделаешь, ее будут сначала пытаться, и только потом убьют.

– Хорошо. Что надо делать? – спросил Роман, для которого сама мысль о том, чтобы причинить Раде боль была невыносима.

– Ничего особенного. Просто посидишь с закрытыми глазами в кресле. Как во время гипноза. Пойдем в зал.

Квартира Игната Валерьевича оказалась хрущевской трешкой с двумя изолированными спальнями и одной проходной комнатой или залом. Большую часть зала занимал угловой диван, рядом с которым стояло кресло. На стене за диваном и на полу были ковры. Напротив дивана стояла стенка. Большая часть шкафов в ней была забита книгами. На небольшом столике у стола стоял телевизор, на котором стоял двухкассетный «Шарп».

– Присаживайся, – пригласил Игнат Валерьевич, указав рукой на кресло. – Теперь закрой глаза и просто слушай, что я буду говорить, – продолжил он, когда Роман сел.

Сначала Роман почувствовал приятное расслабление. Затем он начал проваливаться в глубокий туман, из которого со временем сгустились опутавшие его сознание похожие на корни растений щупальца. По спине побежали электрические мурашки. Такие же, как в «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова.

«Неужели он знал?» – подумал Роман, и в следующую секунду эта мысль растворилась в тумане, который начал пожирать его сознание, отнимая одно воспоминание за другим.

Потом появились какие-то голоса. Один был голосом Рады. Другой мужским и до боли знакомым.

Потом его куда-то вели, затем везли...

Проснулся он дома. В своей постели. Самочувствие было нормальным, только немного болела голова.

Кто-то настойчиво звонил в дверь.

– Сейчас! – крикнул Роман, вскочил с кровати и побежал открывать.

– Ты? – удивился он, увидев за дверью Раду.

На ней было легкое короткое платье, джинсовая куртка и туфли на высоком каблуке.

– Я могу войти? – спросила она.

– Но разве я не должен был тебя забыть? – спросил он, впуская ее в квартиру.

– Это долгая история, которую лучше рассказывать за чаем, если ты меня им угостишь.

– Да, конечно, проходи на кухню.

– Можно не разуваться? А то туфли потом хрен застегнешь.

– Конечно можно, проходи.

– Ты не хочешь одеться? – спросила она, видя, что он идет следом на кухню, как был, в одних семейных трусах, в которых заметно топорщился его член.

– Да, конечно, – смутился Роман, который только после ее слов вспомнил о своем внешнем виде.

– Не знаю, повезло тебе или нет, но тобой заинтересовался хранитель, который и заставил Игната остановиться.

– Так они не вымысел? – удивился Роман, считавший хранителей частью эзотерического фольклора.

– И да, и нет, учитывая, сколько про них повывдумывали эзотерики, начиная с Блавацкой и Рерихов. На самом деле они не правят миром и не являются учителями. Они лишь следят за тем, чтобы кое-какие вещи случались своим чередом, и горе тем, кто встает у них на пути. Так что Игнату пришлось тебя отпустить, но он не остался в накладе, так как выторговал за тебя защиту хранителя, и теперь ему сам черт не страшен. Правда, кроме тебя ему пришлось лишиться и меня, так как я, по словам хранителя, связана с тобой, поэтому ты и назвал меня своей алой женщиной.

– Ты так и не объяснила, что это значит.

– Для этого я и пришла, так как хранитель приказал рассказать тебе все.

– Если хочешь, можешь этого не делать.

– Никогда не спорь с хранителем, иначе можешь стать таким, как Колесник.

– Так это он его так?

– Не знаю, но хранитель способен и не на такое. Так что нравится тебе это или нет, но мне придется тебе все рассказать, а тебе выслушать.

2

Они познакомились в пятый день ее рождения. Отмечать было решено в субботу. В тот же день, поздравив ее с праздником и подарив подарки, родители сказали, что вечером к ней в гости придет очень важный человек, и что она должна будет при нем вести себя очень хорошо. Они повторили ей это несколько раз, заставив ее заранее невзлюбить особого гостя. Да и как можно любить того, кто нагнал страх даже на папу и маму? Ее родители были не последними людьми в городе. Папа был начальником в исполкоме, а мама занимала высокий пост в облздравотделе, и Рада привыкла к лестно-подобострастному отношению окружающих.

К приходу гостя накрыли в зале стол, сервировав его любимой маминой посудой, а перед самым его приходом родители оделись, как на парад. Папа надел свой праздничный темно-синий австрийский костюм в полоску, французский галстук и немецкие черные туфли, а мама – пошитое у модной портнихи небесно-голубое платье и под цвет ему туфли на высоких каблуках. Раду тоже заставили надеть похожее на свадебное, жутко неудобное бежевое платье и новые белые туфельки.

Несмотря на дождь, открывшая гостю дверь мама категорически запретила ему разуваться, хоть у них, как и у большинства ростовчан, было принято снимать обувь у входа, а перед коврами снимать и тапочки.

Гость оказался высоким, красивым 35 летним мужчиной. Одет он был тоже в костюм, но без галстука. В подарок он принес большущую, ростом с Радой куклу, похожую на настоящую девочку, прямо, как в фильме «Три толстяка».

Сели за стол. Открыли шампанское. Раде тоже налили немного в бокал. Выпили за ее здоровье, и за то, что она уже совсем большая и красивая. После этого начали есть.

Игнат Валерьевич, так звали гостя, оказался совсем не важным, а добрым и смешным. Он много шутил, но не выпячивал себя за столом. Когда Рада наелась, ей разрешили уйти в свою комнату поиграть с новой куклой – у них была трехкомнатная квартира, и у Рады была своя комната.

Через какое-то время в дверь постучали.

– Можно войти? – послышался голос Игната Валерьевича.

– Входите, – ответила она и села на диван.

Он сел не рядом, а на пол у ее ног.

– Мне пора домой, – сказал он, – но перед уходом я хочу рассказать тебе сказку, если позволишь.

Почувствовав себя от такого обращения маленькой принцессой, Рада засмушалась.

– Рассказать я тебе хочу сказку о молодом драконе и музыке. Драконы – очень древние существа. Они появились очень давно, миллиарды лет назад, возможно даже раньше, чем сама вселенная.

– А разве так бывает? – удивилась Рада.

– В сказках бывает всякое.

Живут драконы очень долго, и чтобы им не стало тесно во вселенной, они решили сохранять свое количество постоянным, поэтому, когда погибает один из них, они выбирают родителей будущего ребенка, который вскоре появляется на свет и через пару-тройку тысяч лет становится взрослым.

В первые миллиарды лет своего существования драконы были очень любознательными существами, но со временем, когда они узнали практически все, что только можно узнать, их интерес к познанию угас. С тех пор они лишь хранили полученные когда-то давно знания, а время старались проводить в веселье.

Несмотря на величайший ум, чувства их были заметно беднее, чем у нас. Сильных страстей у них не было, любви тоже. Поэтому искусства, как таковое их не интересовало. А вот игры они уважали, поэтому, когда на Земле появились люди, драконы начали с ними играть, как с забавными игрушками. При этом драконы презирали людей не столько за мимолетность их жизни, сколько за ту глупость, с которой они растрачивают отведенное им время. Поэтому многие игры драконов были настоящим кошмаром для людей. Не удивительно, что люди не любили и боялись драконов. Особенно их пугала способность тех сначала являться в человеческом облики, а потом мгновенно становиться крылатыми гигантами, стирающими с лица земли целые города, если им было что-то не по нраву.

Был среди драконов один совсем еще юный, не более трех тысяч лет отроду. Собраться считали его не то, чтобы совсем дураком... скорее странным типом. Знаниями он не интересовался – что толку хранить то, чем никогда не воспользуешься, – а обычные драконы удовольствия нагоняли на него скуку. Тосковала его душа по чему-то такому, что словами не выразишь. Только в уединении переставал он тяготиться своей необычностью, и вскоре совсем ушел от собратьев в лес, где затихала его тоска.

Гуляя однажды по лесу, он вышел к поляне, на которой сидел человек и играл на бамбуковой дудочке очень простую и в то же время проникающую в самую глубину души музыку. От этой музыки с новой силой проснулась тоска дракона. С новой силой начало рваться на свободу нечто из его бездонной холодной души, но благодаря музыке появилось в томлении и тоске нечто необычайно приятное. Заслушался дракон, и сам не заметил, как сначала исчезло время, потом лес, потом и сам он растворился в музыке. Долго еще играл человек на своей дудочке, а когда закончил, пригласил жестом дракона подойти.

– Садись поближе. Сегодня ты мой гость, – сказал он.

– Как ты узнал, что я здесь? – удивился дракон, умевший при желании быть невидимым для людских глаз.

– Мне поведала о тебе музыка.

– Ты что, смеешься надо мной? – разозлился дракон. – Музыка – это шум для дураков. Она потакает вашим желаниям и страстишкам. Она там, где много людей, готовых расстаться со своими деньгами, желая посмотреть, как кривляются их собратья, ряженые в дурацкие одежды.

– Моя музыка совсем другая. Она только для меня и леса. Иногда она льется из моей флейты, иногда флейта молчит, и тогда мы играем тишину. Эта музыка живет помимо моей воли, и когда она появляется, я исчезаю.

– Откуда твоя музыка меня знает?

– Она была в лесу и была в твоём сердце, а лес хорошо тебя знает. Поэтому он много поведал ей о тебе, а она рассказал все мне.

– Да? И что же она обо мне рассказала?

– Ты между небом и землей.

– Это как?

– Земля – это все человеческое. Это власть, деньги, страсти, нищета, болезни и много-много способов убивать. Земля – это зависть, жадность и множество других страстей, подобно червям разъедающих душу. Но это еще и красота, любовь, дружба. Любовь подобна молнии, и, попав однажды в сердце, она способна перевернуть весь Мир. Небо принадлежит вам, драконам. Драконы – это вечность, бессмертие, знания, мудрость, сила и бескорыстие, но это еще и бездушные. Многие люди, продавшись вам, мечтали обрести власть, но вместо этого обретали смерть, многие шли к вам за мудростью, но получали лишь зло.

Есть среди нас отшельники, подобные мне. Мы ушли от страстей человеческих, пытаемся познать мудрость. Мы бежали с земли, но не еще доросли до неба. Сегодня ты открыл мне глаза. Холодная мудрость тоже бедна! Играя, я слушал твое сердце. В тебе есть то, что застав-

ляет тебя бежать от таких, как ты. Ты бежал с неба, но так и не обрел землю, а это значит, что нет тебе места ни на небе, ни на земле, как и мне, как и другим ищущим нечто такое, о чем знает лишь душа, и куда она рвется. К счастью, для таких, как мы, существует путь, который проходит между землей и небом, и рано или поздно музыка покажет мне его.

– Научи меня музыке, – попросил дракон.

– Я могу познакомить тебя только с флейтой, а придет ли к тебе музыка... Это ведомо только ей. К тому же в процессе обучения тебе придется делать все, что я скажу. Готов ли дракон подчиниться человеку?

– Я готов к этому.

Дракон оказался прекрасным учеником. Буквально за какой-то год он научился виртуозно играть на флейте.

– Теперь, когда ты достаточно хорошо познакомился с инструментом, пришло время для главного испытания. Забудь все, чему я тебя учил. Просто сядь и слушай свое сердце.

– Учитель, ты же знаешь, какое у драконов сердце! – попытался возразить дракон.

– Музыке на это плевать, поэтому и ты не думай об этом. Просто сиди и слушай. Когда в нем родится музыка, сыграй ее, не привнося ничего в то, что родится в твоём сердце.

– А если там ничего не родится?

– Играй тишину. Тишина – это тоже музыка.

Драконы – существа терпеливые. Наш дракон сел на землю, прислонившись спиной к дереву. Он решил не сходить с этого места, пока не родится музыка, или пока он не умрет. Дни сменялись ночами, пришла зима, затем вновь стало тепло, а он сидел и ждал, все глубже погружаясь в свое сердце, туда, где рождалась его странная тоска. И вот однажды, прекрасным весенним днем уже перед самым закатом его сердце проснулось. Сначала это была одна робкая трель. Затем другая. И вдруг хлынуло. Тоска превратилась в удивительной красоты мелодию.

– В следующий раз я расскажу продолжение сказки, а теперь мне пора идти, – сказал Игнат Валерьевич.

– А когда ты еще придешь? – спросила Рада, которой понравилась эта во многом непонятная сказка.

– Когда придет время. До свиданья.

Перед тем, как уйти, он поцеловал её руку, как настоящей даме.

После ухода Игната Валерьевича к Раде примчалась радостно взволнованная мама.

– Я хочу тебе что-то сказать, – сообщила она, – но ты должна держать это в секрете и никому-никому не рассказывать.

– Никому-никому?

– Никому-никому.

– Даже Наташе?

Наташа была ее лучшей подругой.

– Особенно Наташе и другим друзьям.

– А если я захочу рассказать кому-нибудь секрет?

– А ты представь, например, что твой секрет, как ты с папой разбила вазу, и когда захочешь рассказать кому-нибудь что-нибудь тайное, расскажи об этом. Договорились?

– Договорились.

– Игнат Валерьевич подтвердил, что ты особенная девочка.

– И что это значит?

– Узнаешь, когда придет время.

После этого любимой игрой родителей стала игра в шпионы, во время которой Раду учили, как нужно себя вести, будучи шпионкой в тылу врага, чтобы тебя не вычислили. Помог в этом деле и мамин совет. В результате она прослыла среди подруг легкомысленной девочкой,

легко выбалтывающей свои тайны. Выбалтывала она, правда, только ерундовые секреты, благодаря чему никто не подозревал, что у нее есть настоящая тайна, смысл которой она и сама не понимала.

В чем заключалась ее особенность, Рада узнала, когда у нее началась первая менструация. Это произошло значительно позже, чем у ее сверстниц.

– Сегодня важный день, знаменующий твое превращение из девочки в девушку. Игнат Валерьевич нас ждет сегодня вечером, чтобы отпраздновать это событие, – сообщила мать.

– А он тут причем? – недовольно спросила Рада, которой совсем не понравилось то, что в ее интимную жизнь посвящен посторонний.

– Сегодня он откроет тебе, в чем состоит твое предназначение.

И вновь родители прожужжали ей все уши о том, что она не должна их подвести.

Как и в прошлую встречу, они вырядились, как на парад. Мать надела сшитое специально для этого дня платье и новые, купленные под него туфли. Отец облачился в свой лучший серый английский костюм, к которому прилагались новая белоснежная сорочка, черный галстук и черные парадные туфли. Раду заставили надеть бардовое платье и «взрослые» хоть и не на высоком каблуке, парадные югославские туфли.

Игнат Валерьевич жил один в трехкомнатной квартире, обставленной не бедно, но и без лишнего нагромождения вещей, которое у советских обывателей считалось признаком богатства. Гостей он встретил в черных вельветовых брюках и темно-серой водолазке. На ногах у него были удобные черные мокасины.

В свои за 40 он выглядел отлично. Моложавый, спортивный, подтянутый. Только в волосах появилась заметная седина.

Гостей он пригласил в зал, сопроводив приглашение словами:

– Ни в коме случае не разувайтесь.

– Помнишь меня? – спросил он Раду, когда они сели за стол.

– Не очень, – призналась она, – но я знаю, что вы тот, кто подарил мне куклу.

– Ну хоть это помнишь.

За столом шла непринужденная беседа ни о чем, потом Игнат Валерьевич подал чуть заметный знак, скрестив определенным образом пальцы на левой руке, и родители засобирались домой. Рада тоже встала, но Игнат Валентинович ей сказал:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

– У вас будет серьезный разговор, – пояснил отец.

– Будешь кофе? – спросил Игнат Валентинович, когда они остались одни.

– А я потом усну? – спросила Рада.

– Когда-нибудь точно, – ответил он.

– Тогда давайте.

– Составишь мне компанию на кухне?

– Пойдемте.

– Что надо делать? – спросила она, когда они оказались на месте.

– Садись за стол и жди, когда обслужат.

– Я могу и помочь.

– Не надо. Я уже достаточно большой, и не настолько старый, чтобы гости ухаживали за мной в моем же доме.

– Если ты помнишь, я задолжал тебе сказку, – сказал он, когда кофе был разлит в чашки.

– Не опоздали? Я уже выросла из того возраста.

– Это сказки для глубин души. Из них не вырастают. И потом, я должен с нее начать нашу беседу, так что послушай, пожалуйста.

– Только если от этого никак не спастись...

– Никак.

– Тогда рассказывайте.

Когда-то давно жили на краю леса волшебник с молодой дочкой. Жители близлежащих деревень волшебника побаивались, поэтому дочери его тоже сторонились. На всякий случай. Предоставленная сама себе, она росла немного диковатой, зато в лесу ориентировалась не хуже любого зверя. Толкало ее в лес томление души. Казалось, что ждет ее там нечто прекрасное, без чего не стоит и жить. Настолько это томление было сильным, что все свободное время проводила она в поисках неизвестно чего. Она считала лес своим домом, и это не нравилось ее отцу.

– Не увлекалась бы ты так лесом, – каждый раз ворчал он, когда она подолгу там пропадала.

– Не смейся, отец. Зря я, что ли дочь волшебника? Я к каждому зверю слово знаю, – отмахивалась она от опасений отца.

– Не зверем лес страшен.

– Людей мне тем более смешно бояться.

– Ты забываешь о Колдуне.

Как говорил когда-то волшебнику отец, живет в их лесу некий Колдун, с чьей магией не сравнится ни одна другая. Живет он очень давно. Отцу про него говорил дед, а тому его дед. Играет Колдун колдовскую музыку, и горе тому, кто ее услышит. Забирает колдун душу того несчастного, и становится он сам не свой, а вскоре умирает в муках.

– Да сказки все это, – отмахивалась дочка.

На этом их спор обычно заканчивался.

Вот только Колдун не был выдумкой, и, гуляя как-то по лесу, вышла дочка волшебника к его дому. Колдун сидел на крыльце и играл на флейте простую и в то же время завораживающую мелодию, возникающую, казалось, в той пустоте, что была до начала времен, и уносящую в пустоту, которая будет после их окончания.

– Так вот как ты крадешь наши души, Колдун, – сказала дочь волшебника, подойдя к музыканту.

– Я не колдун. Колдовство – это бредни ваших дураков. А души... Вы с ними слишком носитесь. У любой травинки душа ничем не отличается от вашей.

– В таком случае кто ты?

– Вы называете нас драконами.

– Так ты все знаешь!

– Опять нет. Наши знания мертвы, как и мы сами. Драконы все знают, во всем уверены, для них нет ничего нового. Мы слишком правильные, слишком разумные и совершенно бездушные. Я отказался от таких знаний.

– Я так надеялась на твою помощь! Меня все время зовет жизнь иная, неведомая, совсем непохожая на нашу. Я не могу жить среди людей. Всю жизнь я ищу, а чего – сама не знаю.

– Это потому, что ты между небом и землей. Когда-то этот зов заставил меня покинуть братьев моих и бродить в лесу. Там я встретил человека, который поразил меня своей музыкой и научил играть на флейте. Он был великим учителем. Драконы не любят музыку. Они презирают ее за бесполезность. Им недоступны искусства. Ты слышала душу дракона, пустую и вечную, как сама смерть. Из самой глубокой бездны льется моя музыка. Когда-нибудь она откроет мне последнюю тайну.

– А ты можешь научить меня музыке?

– Не знаю. У меня был великий учитель, а я все еще ученик. И потом, ты не представляешь себе, насколько мы разные. Мы совсем не похожи.

– Может, попробуешь?

– Я постараюсь познакомить тебя с флейтой, но я не уверен, что у меня это получится.

– Получится. Потому что ты моя последняя надежда.

Она училась легко. И хоть играла не так виртуозно, как он, ее музыка была переполнена жизнью и лилась через край. Часто они играли вместе. Тогда их сердца сливались в одной мелодии.

А однажды она сквозь слезы призналась ему в любви.

– Ты же знаешь, мне незнакомы чувства, – ответил он.

– А мне знакомы! Я люблю тебя! Не понимаешь? Люблю! Я с ума схожу... Вам же нравятся земные женщины? Возьми меня, будь со мной. Не можешь любить?... Моей любви хватит обоим. Я так хочу быть твоей!

– Ты не знаешь, чего просишь. Я отравлю тебя. Ты умрешь очень тяжелой смертью.

– Ну и пусть! Мне все равно, что будет потом.

– Ты готова умереть, но ради чего?

– Я люблю тебя! Люблю! Люблю! Люблю!

– Так нельзя. Должен быть другой выход. Дай мне немного подумать.

Несколько дней просидел дракон без движения, ничего не видя и не слыша.

– Нам нужен Сказочник, – сказал он, выйдя из этого оцепенения. – Он самый древний дракон. Говорят, он древнее времени. Драконы считают его чудачком за то, что он хранит бесполезные знания.

Они нашли Сказочника на вершине непреступной скалы, где он наслаждался уединением.

– Извини за вторжение, но нам нужна твоя помощь, – сказал ему дракон, почтительно поздоровавшись

– Нам? С тобой точно что-то не в порядке, – ответил Сказочник.

– Ты не прав, но тебе этого не понять. Она...

– Она умрет раньше, чем я ее замечу, так какое мне до нее дело?

– Тебе никакого, но я... Пойми, Сказочник, все это не случайно. Сначала была музыка, теперь она. Она готова умереть ради любви, а ты и представить себе не можешь, с какой силой они цепляются за свои жизни.

– Скажи прямо, чего ты хочешь, и избавь от прочей болтовни.

– Я хочу научиться любви.

– Ты еще более сумасшедший, чем кажешься.

– Это мой путь. К тому же, ты ведь тоже не такой, как все. Эти твои сказки...

– Я старше всех на целую вечность, и видел слишком многое, чтобы быть похожим на других, а ты и жить-то еще не начал.

– Пойми, сказочник. Это нечто большее, чем мы и они, я чувствую это, а сейчас помоги мне.

– Есть несколько строк:

Открыв однажды тайну смерти,
Дракон зароет в землю голос,
Откроются врата на небе,
И круг порвется на земле.
Они найдут свою дорогу,
Что между небом и землею,
Свой путь найдут они в любви.

– Правда, я сам их до конца не понимаю. В первой строчке говорится, что ты должен стать смертным.

– Как это сделать?

– Ты что, настолько дурак?

– Я буду дураком если откажусь. Мы такие умные, такие правильные, такие вечные. Живые такими не бывают. Мы мертвы, а я хочу жить. Может, со смертью я обрету жизнь? Не зря же ждали меня эти стихи.

– Как стать смертным, я знаю, а вот дальше...

– Дальше я понял.

– Обратной дороги не будет, а ты даже не знаешь, для чего...

– Посмотри на нее. Она за этот день прожила больше, чем я за всю свою жизнь. Ради этого я готов, – сказал дракон, полный решимости обменять вечную жизнь на любовь.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Игнат Валерьевич.

– Прикольно, – ответила Рада, осознавшая только после этого вопроса, насколько сильно изменилось ее состояние.

Ее тело стало каким-то далеким и расслабленным, а еще оно словно бы увеличилось в размерах, покрывшись невидимой оболочкой толщиной от 2 до 5 сантиметров. Оболочка гудела, как трансформатор, и от этого гула Раде было спокойно и хорошо. В голове стало светло и пусто. Мыслей почти не было. Эмоций тоже. Вместо них было состояние ясности и понимания. Зрение тоже изменилось. Рада отчетливо видела лицо Игната Валерьевича, но остальная часть окружающего пространства перестала для нее существовать.

– Теперь ты готова к серьезному разговору, – решил Игнат Валерьевич, оценив глубину транса, в который она погрузилась, пока слушала сказку.

– Не знаю, – сказала она, и ее голос донесся до нее откуда-то издалека.

– Зато я знаю. И еще, в твоем состоянии легко слушать и понимать, но трудно действовать и говорить. Поэтому пока просто послушай. Думаю, ты заметила, с каким уважением ко мне относятся твои родители. Дело в том, что они входят в небольшую группу, которой я руковожу. Я не бог весть какой лидер, но у меня чуть больше необходимых знаний, чем у других. Ты уже, наверно, слышала, что мы используем наш мозг всего лишь на несколько процентов. Однако с древних времен были люди, которым удавалось включить его на полную катушку. Большинство из них не удосужилось поделиться своим секретом с Миром, но были и те, кто оставил нам инструкции для достижения этого результата. Некоторые из инструкций могут показаться глупыми. Другие же просто шокируют неподготовленного человека, так как необходимые для их выполнения действия в корне противоречат сегодняшним понятиям о том, что можно, а чего нельзя, хотя и не приносят никому вреда. Используя эти инструкции, мы пытаемся добиться того же, а именно просветления или полной трансформации сознания.

В силу целого ряда причин нам приходится держать свою деятельность в тайне. Поэтому мы тщательно отбираем будущих кандидатов в соратники, и как ты, наверно, уже поняла, одним из таких кандидатов мы видим тебя. Поэтому сегодня, в тот переломный день, когда девочка превращается в девушку, тебе предстоит сделать свой выбор.

Я прошу тебя стать моей алой женщиной. Это очень древний, существующий тысячелетия способ приготовления эликсира бессмертия, основой для которого послужит твоя кровь.

– Вы хотите моей крови? – испугалась Рада, но ее испуг был где-то далеко и казался чужим.

– Не бойся этого. Мне нужна лишь та кровь, которая теперь будет идти у тебя каждый месяц. Надеюсь, тебе ее не жалко?

– Нет, но...

– Но главное то, что я должен ее вкушать непосредственно оттуда.

Для Рады эта мысль была настолько дикой, что будь она в другом состоянии, она бы послала его ко всем чертям и умчалась домой. Тогда же она могла лишь бесстрастно его слушать.

– Поверь, это не извращение, не секс, не любовь. Это настоящая магия, ритуал, согласившись на который, ты окажешь мне большую честь и огромную услугу. Тебе нужно просто сказать «да», и мы перейдем в другую комнату, где совершим это таинство. И тогда я возьму тебя в путешествие к звездам, которые засияют у тебя внутри. А если ты откажешься, ты забудешь этот разговор, и мы больше никогда не увидимся. Так что скажи «да».

– Да, – механически повторила Рада.

– Умница. Давай я тебе помогу.

Тело Рады не слушалось, поэтому Игнат Валерьевич взял ее на руки и отнес в спальню, где положил на застеленную белоснежной, пахнувшей свежестью простыней кровать.

– Пожалуй, так мы выпачкаем платье, – решил он.

С платьем пришлось повозиться, так как Рада была не в состоянии ни помогать, ни сопротивляться. Наконец, оно было побеждено и аккуратно положено рядом с девочкой на кровать. Затем Игнат Валентинович снял с нее трусики и положил их рядом с платьем. Затем он стал перед ней на колени, раздвинул ей ноги и начал осторожно слизывать кровь. Рада плохо понимала что происходит, и кроме чуть слышной щекотки не чувствовала ничего.

Процедура заняла минут 10. После чего Игнат Валерьевич одел Раду. Затем быстро провёл перед ее лицом несколько раз рукой снизу вверх, в результате она пришла в себя настолько, что смогла сама выйти из квартиры, спуститься по лестнице и сесть в машину. Там она опять поплыла, и Игнату Валерьевичу пришлось чуть ли не на руках нести ее до ее квартиры.

– Ну как она? – спросила открывшая дверь мать.

– Не хочу взглянуть, – ответил Игнат Валерьевич.

Оставшихся сил Раде хватило только на то, чтобы дойти до кровати, на которую она и свалилась, как была в одежде и туфлях. Не прошло и секунды, а Рада уже крепко спала. Через пару минут, закрыв за гостем дверь, к ней в комнату вошла мать. Она осторожно, чтобы не разбудить раду, сняла с нее туфли.

– Все хорошо, девочка, – прошептала она, целуя Раду в лоб. – У тебя получится. У тебя все получится.

Проснулась Рада, когда уже начало светать. К этому времени действие транса закончилось, и ее сознание разделилось на 2 половины. Одна из них была в шоке. Она хотела покончить с собой, бежать из дома, подальше от отдавших ее на такое родителей, а еще лучше рассказать все в милиции. Вторая же часть была спокойной. Она знала, что произошло лишь то, что должно было произойти, что все нормально, все хорошо, все прекрасно. Что нет повода для беспокойства. И после непродолжительной борьбы вторая часть победила первую. В результате Рада встала с постели, вытерла слезы, разделась, сходила в туалет и вернулась в постель, не забыв поменять марлю в трусах. Специальные гигиенические средства появились в нашей стране во время перестройки.

Уже утром она вела себя так, словно ничего не произошло, и даже сделала вид, что не замечает изучающего взгляда родителей. А когда началась следующая менструация, она почувствовала настолько непреодолимое желание увидеться с Игнатом Валерьевичем, что сама позвонила ему по телефону.

– Конечно, приходи, – ответил он.

На этот раз обошлось без лишней помпезности. Рада пришла в любимых стареньких джинсах и футболке (было начало лета). Игнат Валерьевич встретил ее в спортивном костюме и тапочках.

– Чай? Кофе? – предложил он.

– Потом, – ответила она.

– Я вижу, ты еще не совсем освоилась со своей мистической ролью, – сказал Игнат Валерьевич, видя ее нервозность.

– Вы правы. Поэтому давайте закончим все побыстрее.

– Как скажешь.

После этих слов он проводил ее в спальню. Кровать снова была застелена новой бело-снежной простыней.

– Я же выпачкаю, – смутилась Рада.

– Выпачкаешь, – согласился он.

– Тогда зачем?

– Это лучшее, что у меня есть, а все лучшее должно быть твоим.

– Как скажете.

Рада сняла кроссовки, не развязывая шнурки, стянула джинсы, трусы и легла на спину, удивляясь тому, с какой легкостью она это делает.

На этот раз каждое прикосновение Игната Валерьевича приносило ей наслаждение, и когда он попытался прекратить процедуру, она схватила его за голову и еще несколько минут прижимала лицом к вагине.

Пока она после этого одевала джинсы, Игнат Валерьевич развязал шнурки на кроссовках. Затем встав перед ней на колени, надел их ей на ноги.

– Я, блин, прямо как принцесса, – смутилась она.

– Привыкай, – сказал он и поцеловал нос кроссовки, заставив Радку покраснеть.

После этого был чай с конфетами «Вечерний звон», которые она обожала с детства.

– Ты должна понимать, – рассказывал он за чаем, – что роль алой женщины накладывает на тебя определенные обязательства. Разумеется, я не берусь указывать тебе, как жить – ты вольна сама принимать решения, но если ты хочешь идти и дальше со мной по мистическому пути, ты должна знать, что отныне между нами существует хрупкая связь, для сохранения которой мы не должны иметь никаких отношений на стороне. Так что отныне ты либо всецело моя, а я всецело твой, либо мы расстанемся. Третьего не дано.

И еще: С сегодняшнего дня тебе предстоит начать работу над собой сразу в нескольких направлениях: Тебе придется работать с телом так, чтобы оно было в наилучшей форме; работать с сознанием, тренируя его и подготавливая к решающей трансформации; работать с энергетикой, что это такое, я скажу в свое время; и работать с намерением, об этом у нас тоже будет отдельный разговор. К следующему разу постарайся освоить упражнение, которое получило название шавасана или мертвая поза. Выполняется оно следующим образом...

Они встречались раз в цикл, в один из наиболее кровавых дней. Игнат Валерьевич относился к Раде подчеркнуто почтительно, так как для него в эти дни она была воплощенной божественностью. Первым делом они шли в спальню, где уже ждала застеленная новым дорогим бельем постель. Радку так и подмывало спросить, куда он деваает использованные простыни, но она почему-то не решалась. Игнат Валерьевич помогал ей раздеться, после чего вкушал свой коктейль, стараясь не вносить в этот ритуал лишний эротизм. Затем он помогал ей одеться, благодарил за оказанную честь, иногда целуя ей почтительно ноги, затем они перебирались на кухню, где он превращался в забавного доброго дядьку, а она – в зашедшую по поручению родителей дочь друзей.

Так продолжалось до тех пор, пока она не выросла из этих отношений, и когда ее терпение лопнуло, она пришла к нему в «неурочный» день, позвонив предварительно по телефону.

Игнат Валентинович пригласил ее на кухню, налил кофе и только после этого спросил:

– Так о чем ты хотела поговорить?

– О том, что мне это все надоело. Я не хочу... не могу больше так, – нервно ответила она.

– Ладно, чего ты хочешь?

– Того же, чего хочет любая нормальная женщина от мужчины.

Выпалив это, Рада покраснела, почувствовав себя дурой.

– Тебе же всего 17, а мне... – растерялся Игнат Валерьевич. Видя волнение Рады, он решил, что у нее, или у ее родителей серьезные проблемы, и совсем не ожидал такого развития событий.

– Ты прав, – они уже были на «ты», – мне уже 17. Я не ребенок, а если учесть, что ты со мной вытворяешь, я давно уже не невинный ребенок. Так что давай быть честными друг с другом. Я хочу нормальных отношений. И если я не получу их с тобой, я найду другого. Обещаю, – выдала она, стараясь говорить, «как взрослая», и оттого чувствуя себя еще глупее.

– Ладно. Пусть будет по-твоему, – ответил он, а потом взял ее прямо на кухонном столе, практически не причинив боли.

С того дня они начали встречаться, как любовники, два раза в неделю, а когда наступали «те дни» ритуальное вкушение эликсира начиналось сразу после совокупления, так как в состав полноценного эликсира входила не только кровь, но и детородное семя.

– Кровь и плоть... – сказал он как-то за кофе. – Знали бы они, что вкушают.

– А ты не думал, что это – ритуализированное извращение вроде содомии тамплиеров? – спросила Рада, которая к тому времени уже прекрасно разбиралась в истории магии и тайных обществ.

– Эликсир стыда слишком древний для этого. Ему более двух с половиной тысяч лет. К тому же это совершенно ядовитая смесь гормонов и энергий. Поэтому его еще прозвали эликсиром вечной жизни. Думаю, именно отсюда растут корни историй про вампиров, которых стыдливая мораль заставила убивать свои жертвы, вкушая кровь из вен на шее.

Тогда же, после первого секса, который принес Раде, скорее, моральное, чем физическое удовлетворение, (так как Игнат Валерьевич больше думал о боли, чем об удовольствии), он сказал с серьезным видом, едва они оделись и привели себя в порядок:

– Теперь мне надо с тобой серьезно поговорить.

– О чем? – спросила она, улыбнувшись улыбкой победительницы.

– То, что мы с тобой сделали, подразумевает, что ты достаточно повзрослела для следующего этапа посвящения.

– Не думаю, что я готова к этому прямо сейчас.

– Любое действие имеет свои последствия, которые надо уметь принимать.

– Тогда давай побыстрее. Мне еще уроки учить.

– Знаешь анекдот про Леху?

– Про какого?

– Комиссия в интернате для несовершеннолетних дураков. Поймали одного из пациентов и спрашивают:

«Как тебя звать?»

Он:

«Не знаю».

«А сколько тебе лет?»

Он:

«Не знаю».

И так на все их вопросы.

«Это ж почему вы так плохо работаете, что ваши пациенты ничего не знают? – набросились проверяющие на главного врача. – Через месяц приедем – чтобы знал все ответы».

Приехали они через месяц. Нашли того самого дурака и спрашивают:

«Мальчик, как тебя зовут?»

Он:

«Леха!».

«А кем ты хочешь быть?»

«Летчиком!».

«Кем-кем?»

«Леха!».

– Самое смешное здесь то, – продолжил Игнат Валерьевич, когда они отсмеялись, – что большинство родителей сами превращают своих детей в таких вот Лех. У кого ни спроси, все хотят быть летчиками, моряками или еще кем-то в том же духе. Окружающие умиляются: Какой чудесный ребенок! Вот только ничего чудесного в этом нет, так как, когда приходит время выбирать настоящую профессию, эти еще пять минут назад летчики, почувствовав себя Лехами, выбирают первую попавшуюся на глаза профессию. Наиболее сообразительные из них со временем переучиваются, а остальные так и остаются на всю жизнь сидящими на чужих стульях неудачниками. При этом выигрывают все, кроме самих Лех. Государство получает работников там, где они наиболее необходимы; умиляющиеся взрослые, которые тоже когда-то хотели быть летчиками или аналогами таковых, не чувствуют себя идиотами. А Лехи находят таких же жен и плодят таких же детей, которые до последнего тоже будут мечтать стать летчиками.

– А как же летчики? – спросила Рада.

– Какие летчики? – сбился с мысли Игнат Валерьевич.

– Ну те, которые действительно летчики.

– А... с теми летчиками все в порядке, так как они не Лехи, а люди, которые шли к реальной цели.

Другой способ превратить нас в удобных в эксплуатации болванов, (а обществу, что бы ни писали на транспарантах, нужны именно такие болваны), заключается в том, чтобы заставить нас с детства подспудно воспринимать себя бесплатным приложением к чему-то гораздо более важному, чем мы и наши интересы.

Используют для этого, казалось бы, безобидные вопросы: Для чего ты живешь? Какова цель твоей жизни? И хоть ты не настолько глупая, чтобы жить ради победы коммунизма или еще какой такой же ерунды, сама эта постановка вопроса превращает тебя в довесок к цели, а твоя ценность определяется даже не столько самой целью, сколько тем, насколько ты полезна для ее достижения. Остается добавить контрольный выстрел в виде взгляда на жизнь в масштабе общества... Вот что ты можешь изменить на уровне планеты? Страны? Да даже родного города? В результате у тебя появляется стойкое отношение к себе, как к неспособной ни на что козявке, которая может лишь делать свое маленькое дело, будучи одной из множества таких же безликих козявок.

Такое отношение к роли человека приветствуется и всячески культивируется обществом потому, что оно не только усредняет людей, но и превращает их в безропотные, удобные в эксплуатации механизмы... В трамваи, задача которых заключается в движении по проложенным обществом рельсам с остановками «Детский сад», «Школа», «Институт», «Работа», «Семья», «Пенсия», «Кладбище».

Большинство движется по этим рельсам поколение за поколением, но есть и те, кто догадывается, что достаточно изменить направление взгляда на Мир, и весь Мир насилья оказывается для тебя разрушенным, а ты из никого превращаешься во все. Для этого достаточно сделать себя центром своей вселенной или той печкой, от которой стоит начинать любой танец.

Теперь смотри: Ты – главная фигура своей вселенной, вершина пирамиды собственного бытия. В этом случае ты сама себе царица, так как можешь в рамках дозволенного, (а дозволено все, что не наказуемо), творить, что пожелаешь. Ты можешь выстраивать свою жизнь, отталкиваясь от своих нужд и желаний. Конечно, совсем вольной птицей тебе не стать, но превращение из трамвая в машину – это уже серьезный шаг к свободе. Дальше идут близкие к тебе люди. Те, кто действительно тебе важен. Для них ты тоже можешь сделать многое. А если учесть, что все мы живем не на планете Земля, не в СССР и даже не в Ростове, а там, где мы реально бываем; и окружает нас не советский народ и даже не все население Ростова, а только те люди, кого мы

впускаем в свою жизнь, то все те, на чью судьбу ты уже никак повлиять не можешь, находятся фактически за границей твоего мира. И чем больше ты будешь уделять внимание тому, что тебе действительно важно, и на что ты можешь серьезно повлиять, чем меньше будешь отвлекаться на все прочее, тем эффективней ты будешь в своем поведении. Тем быстрее ты будешь получать свое, тем ближе будет твоя цель.

При этом единственной стратегической целью будешь сама ты. В результате из безликого довеска ты превратишься в ту, для кого все остальное, включая твою жизнь. Теперь это твое имущество, твоя собственность, твое богатство. И именно тебе надлежит решать, для чего ты ее используешь. То есть теперь ты становишься фигурой, а твоя жизнь превращается в инструмент или средство. Ты можешь использовать ее для наиболее полного обретения себя с последующим растворением в существовании, которое чаще всего называют просветлением; можешь обрести более земные радости жизни; а можешь все тупо просрать – решать тебе, так как только ты в этом случае являешься хозяйкой своей жизни, а все остальные имеют право лишь на совещательный голос.

Для того чтобы начать распоряжаться следующими своими шагами, необходимо сделать этот первый, шаг, который, по сути, является шагом твоего рождения в качестве субъекта, а не жалкой тени навязанных тебе химер.

В тот момент, когда ты перестаешь бежать к указанным торговцами целями горизонтам, и начинаешь искать свой собственный путь, важное значение приобретает такая вещь, как намерение. Его очень трудно описать словами, но легко с ним работать на практике. Ты слышала о Мессинге?

– Если честно, нет.

– Талантливейший был человек, которому повезло родиться настоящим мастером намерения и не повезло найти того, кто смог бы его направить в нужное русло.

Он родился в 1899 году в дыре под Варшавой, которую населяла еврейская беднота. Тогда среди евреев тоже были бедные. Отец хотел отдать его в раввины, но сам Вольф мечтал быть циркачом, не понимая, что это, в принципе, одно и то же. Устав от отцовских побоев, он в 11 лет сбежал из дома, сев в первый попавшийся поезд. Там он впервые проявил свои способности. Он подсунил контролеру найденный на полу кусок газеты вместо билета, и контролер увидел в нем билет.

Приехав в Германию, Мессинг кое-как перебивался, пока не упал на улице в голодный обморок. В результате он попал к знаменитому тогда психиатру Абелю, который начал изучать и развивать его способности. После этого он 3 дня в неделю работал «живым трупом» в цирке, погружаясь в каталептическое состояние. В остальное время учился, благо, в его распоряжении были лучшие специалисты в области психологии. Тогда же он начал тренироваться читать мысли людей и, говорят, у него это здорово получалось.

В 1915 году он встречался в Вене одновременно с Эйнштейном и Фрейдом. В результате знакомства с этими людьми он бросил цирк и занялся «психическими опытами».

Когда Вторая мировая война только началась, он точно предсказал ее исход. Это было в захваченной немцами Польше. Мессинг был схвачен, но благодаря своему дару он вышел из тюрьмы и перебрался через линию фронта в СССР, где и прожил, можно сказать, до наших дней, работая эстрадным артистом.

Вскоре после появления в СССР Мессинг был представлен Сталину. В доказательство своих способностей он сумел пройти к нему в кабинет мимо охраны. В другой раз он в качестве эксперимента получил в банке по чистому листу огромную сумму денег.

Во время своих выступлений на сцене он поражал людей необычайными способностями. Он читал мысли, предсказывал будущее и делал еще много всего. Также он предсказал смерть своей жены, да и свою собственную.

Махровые материалисты считают его ловким фокусником и шарлатаном. Менее махровые – гениальным гипнотизером. Но то, что он делал, было результатом врожденного таланта к искусству намерения.

Мы все в той или иной степени пользуемся намерением. Так, например, для того, чтобы встать со стула, тебе нужно сначала вознамериться встать со стула, то есть придать своему телу необходимые импульс и направление. Намерение очень похоже на желание, но в нем нет характерных для желания эмоций. Причем намерение – это не только посыл к действию, но и способ влиять на ситуацию. Так людям с сильным, четко направленным намерением все словно само идет в руки. А для того, чтобы трансформировать сознание необходимо очень сильное намерение.

Представь себе лучника, готового выстрелить в мишень. Он натянул лук, прицелился и вот-вот отпустит тетиву. Объединяющий лучника, лук, стрелу и мишень порыв и есть намерение. Так вот, для того, чтобы обрести свободу, тебе придется стать направившим точно в центр своей мишени стрелу лучником, который в момент стрельбы сам превратится в стрелу, которая в этом случае и поразит цель. А раз так, то наипервейшая наша задача – заточить твое намерение так, чтобы оно стало подобно стреле, а потом направить его в центр мишени. Возможно, над этим придется работать несколько лет, но иначе нельзя, так как наш путь буквально напичкан отвлекающими от мишени ловушками-обманками.

На следующий день он потащил ее в парк. Был отличный зимний день. Легкий мороз, солнце, безветрие. Не удивительно, что там было полно народу.

– Посмотри на них, – сказал Игнат Валерьевич, – когда они увидели милую пару, старичка и старушку примерно 80 лет. Они неторопливо шли по аллее, держа друг друга за руки, и буквально светились счастьем.

– Запомни этих людей, – продолжил он в кафе, куда они зашли погреться за чашкой кофе. – Они прожили жизнь вместе, душа в душу, долгую жизнь и сохранили любовь. Не привычку, не взаимотерпение из-за страха одиночества или нежелания заново обустроить жизнь, а именно любовь. Они давно уже немолоды, физически некрасивы, небогаты. У них несколько лет уже нет секса. И, тем не менее, они любят друг друга. Они по-настоящему любят друг друга, и более того, только про таких людей можно сказать, что они любят, причем любят именно друг друга. Только реализовавшиеся в любви люди, сумевшие нечто понять и сохранить, остаются такими вот влюбленными стариками.

Подобные пары – большая редкость. Обычно люди влюбляются, женятся, заводят детей, а потом, когда любовь проходит, живут мирно вместе, оставаясь хорошими друзьями. Таких людей считают счастливыми, потому что намного чаще люди встречаются, влюбляются, вступают в отношения, заводят или не заводят детей, а потом разбегаются, нередко ненавидя друг друга. Многие, познав эту изнанку любви, зарекаются больше не любить, но разве ж мы властны над чувствами! А если даже у нас и получится наступить на горло собственной любви и задушить ее в зародыше, разве это сделает нас счастливыми? Ведь на месте задушенной любви образуется пустота, которая настолько невыносима, что мы готовы затыкать ее кем угодно, лишь бы не оставаться с ней наедине.

– Да ты прямо поэт! – съязвила, чтобы скрыть свое восхищение Рада.

– Я мистик, а это больше чем поэт, так как я в своих трансных путешествиях захожу намного дальше, чем позволяет поэтам обычное вдохновение.

Чаще же бывает еще проще, – вернулся он к теме монолога. – Люди встречаются, находят друг друга привлекательными для «просто секса» без малейшего намека на любовь, а потом, насытившись друг другом, разбегаются. В таких отношениях почти не бывает боли, если, конечно, случайно не подцепишь любовь, но и удовлетворить они могут разве что на уровне тела. Разумеется, в этом нет ничего плохого, и от сексуального удовлетворения кроме пользы не бывает никакого вреда. Проблемы начинаются, когда, пресытившись «просто сексом», чело-

век начинает хотеть чего-то большего, а из большего ему доступно только то, что обычно называют любовью, которая не может не разочаровывать по той простой причине, что такая любовь – чисто физиологический процесс с ограниченным сроком протекания.

Когда человек встречается подходящего партнера, у него начинается биохимическое опьянение, которое мы и называем любовью. Длится оно несколько лет: ровно столько, сколько требуется на совместное воспитание ребенка. Потом человек биологически заряжается на новую любовь, и когда он встречается другого потенциально подходящего партнера, он вновь пьянеет. В результате – измена или развод. Такова природа физиологической или нижнечакровой любви.

Главные убийцы любви – это сторонники антисексуальной морали, которая по своей сути является инструментом отупления и уродования людей, так как рожденные в результате унылого зачатия унылые дети, обработанные в последствии подавляющей секс моралью, вырастают в невротично-инфантильных карликов, неспособных и нежелающих думать своей головой. Такие люди – идеальный объект для порабощения политиками и священниками. Другим продуктом подобной морали являются любители беспорядочного секса со всеми подряд. Точно также спущенная с цепи собака поначалу будет носиться, как угорелая. А вот действительно сексуально свободному человеку одинаково чужды как сексуальная аскеза, так и секс со всеми без разбора. Не бросается же никто жадно пожирать все съедобное в радиусе доступности, кроме сорвавшихся с диеты пищевых мазохистов.

Не отстают от моралистов и так называемые романтики со своей чистой романтической любовью.

Не имея реальных любовных отношений, люди создают их в своем воображении, а заодно и рисуют себе образ идеального партнера. У совсем же неудачников все воображением и заканчивается, при этом особо творческие из них подобно тому же Петрарке пишут романтические стихи и романы, снимают романтические фильмы или несут в массы прочую романтику, отравляя сознания людей. Отравляя потому, что в основе романтической «красивости» лежит невозможность создания адекватных живых отношений, поэтому реальная жизнь никогда не будет такой, как эти картинки, уже хотя бы потому, что живые люди – это существа из плоти и крови, а не эфемерные выкидыши воображения, живущие исключительно за счет несостоятельности порождающих их романтиков.

Эти выкидыши оказываются чертовски живучими, и строя с кем-нибудь реальные отношения, люди сверяют друг друга с плодами своей фантазии, а заодно и, уподобляясь Прокрусту, начинают подгонять их под образ, не забывая ломать себе при этом голову над вопросом: любовь это или не любовь?

В результате люди в лучшем случае расстаются, потому что иначе наступает разочарование, так как приходит понимание того, что находящийся рядом живой человек совсем не такой, как в мечтах. Затем на него напяливается такой же нелепый образ антимечты, благодаря чему он вдруг оказывается виновным во всех грехах только потому, что оказался лишь самим собой. Остается добавить к этому обобщение, и все мужики превращаются в козлов, а бабы – в сук.

С другой стороны... Представь себе кафе, стол, за столом он и она. У них свидание. Одно из тех первых, когда люди еще толком не знают друг друга, но между ними уже зародилась страсть. Они держатся за руки, пожирают друг друга глазами... Еще немного, и будут произнесены слова о любви.

Вот только кто и кого любит в данный момент? Они же делают все, чтобы понравиться друг другу, то есть безбожно врут, выставляя себя не теми, кто они есть. В результате в кафе сидят два персонажа, и когда приходит понимание, что на самом деле они далеко не такие...

Но если даже между ними все честно. К кому они испытывают чувства? С кем хотят быть рядом не меньше, чем вечность? А они хотят именно этого! Вот только вряд ли они понимают, что они не застывшие во времени образы, а живые люди. Живой же человек – это болезни,

старение, неприятный запах, если не принять душ. Живой человек – это временами плохое настроение. А в совместной жизни это тот, с чьим присутствием постоянно надо считаться. Вряд ли они осознают, что человек напротив станет старым и страшным, а потом умрет. И если нет, то их любовь – обычный самообман, ведь предмет любви в таком случае – лишь миг за столом в кафе, так как буквально завтра они будут уже другими, постаревшими на один день. Мелочь? Но сколько таких дней надо, чтобы она расплелась, или, не дай бог, поплохела из-за болезни? И что тогда? Разочарование?

Ладно, пойдем, а то уже много времени, – спохватился Игнат Валерьевич.

– Ты когда-нибудь думала, поему люди любят убивать время в компании себе подобных? – спросил он во время следующей встречи, когда после страстной любви они сели пить чай.

– Потому что это весело, – ответила Рада.

– Всегда? – с ехидством в голосе спросил он.

– Ну не знаю, – растерялась она.

Обычно после заданного таким тоном вопроса Игнат Валерьевич разносил в пух и прах ее представление о предмете разговора.

– На самом деле, и ты сама можешь убедиться, понаблюдав за любителями тусоваться, в том, что людям, за редким исключением, не столько хорошо вместе, сколько невыносимо наедине с собой. Именно отсюда растет тяга к общению, тусовки, вечно работающий телевизор и алкоголь. Отсюда же потребность человека в том, чтобы хоть кто-то был рядом. Отсюда же и львиная доля боли от расставания. Отсюда и кладбищенский вопль: «Да на кого ж ты нас оставил?!!».

Не выносят себя люди потому, что в личностном плане в большинстве своем они – уродцы и карлики. Становятся они такими потому, что сначала их на это толкают семья и школа, а потом уже и они сами пытаются стать кем угодно, но не собой. Ведь чем большими карликами являются родители, тем сильнее их уверенность в том, что они знают, как их детям нужно жить. В основе этого «знания» лежит потребность в компенсации собственной несостоятельности. Или же, основываясь на внешних проявлениях социального успеха, родители стараются впихнуть детей в мир престижных людей. Вот только каким бы человек ни был богатым, имеющим власть и знаменитым, но если он добился этого, занимаясь не своим делом, он вряд ли будет счастливым. Не говоря уже о тех, кто, живя чужой жизнью, не может вообще ничего добиться.

Дело в том, что мы появляемся на свет с определенным талантом и всем необходимым для его развития. Вот только наш мир – это мир торжества прокрустизации в котором еще до рождения ребенка родители создают образ того, каким он должен быть, а потом всеми силами стараются принести его в жертву этому образу. И бог в последний момент остановил разве что одного Авраама, да и то исключительно потому, что оба – литературные, то есть выдуманные персонажи. На деле же никто не мешает родителям уродовать детей по своему образу и подобию, и вместо того, чтобы помогать маленькому человеку осознать и развить свой потенциал, они заставляют его расти кем угодно, но только не собой. Потом к ним присоединяются детский сад и школа, которые по своей сути являются машинами деиндивидуализации и усреднения. Отсюда, кстати, и любовь чиновников от образования к школьной форме, которая не дает детям проявлять свою индивидуальность даже во внешнем виде.

Индивидуальности неудобны. Они могут быть непредсказуемыми и опасными. К тому же к каждой индивидуальности нужен свой, особый подход. Совсем другое дело – стандартизированные человеческие единицы, винтики и шпунтики государственной машины. Они предсказуемы и легко взаимозаменяемы. К тому же их потребности носят массовый характер, и их легко удовлетворить. В результате мы имеем два конвейера: один штампует усредненных карликов, а другой – наборы товаров и услуг для удовлетворения их потребностей. И каждая

индивидуальность – потенциальная проблема. Ведь ей нужны выходящие за рамки ГОСТов вещи. И если с одеждой, жильем едой, автомобилем и прочими материальными составляющими человеческого счастья особых трудностей не возникает, то в более тонких вещах, таких как музыка, литература, кино, дружба, любовь ее потребности удовлетворить стандартной продукцией невозможно. К тому же индивидуальность уникальна, а это значит, что с ней необходимо считаться, а считаться с кем-то кроме начальства у нас не любит никто.

Поэтому стандартизированное общество штампует усредненных людей, а те, в свою очередь, по своему образу и подобию усредняют детей. Отсюда, кстати, и подростковый бунт, как тщетная попытка вырваться из прокрустовых лап общества.

Усреднение не проходит даром для человека. Ведь его потенциал требует развития; и если это развитие протекает правильно и гармонично, человек счастлив и наполнен собой. Такой человек самодостаточен, он легко и с удовольствием выносит общество самого себя. Более того, пустое, отнимающее время общение или существующие с той же целью развлечения для него – пустая трата времени. Поэтому таких людей практически невозможно встретить на каких-нибудь тусовках, если, конечно, их не приводят туда дела.

В отличие от такого, усредненный человек по понятным причинам до себя не дорастает. В результате между его потенциалом и недоразвитой реальностью образуется пустота, и эта пустота невыносима. Поэтому человек стремится всеми силами ее чем-нибудь заткнуть: тусовками, телевизором, друзьями, развлечениями, алкоголем... В результате, эта поистине черная дыра только растет. И если космическая черная дыра способна пожрать все, то ставшие черными дырами усредненные люди способны пожирать лишь друг друга.

И если за столиком в кафе сидят две черные дыры, – вернулся он к прошлому разговору, – их любовью будет отчаянная попытка заполнить друг другом собственную пустоту. Вот только пустота эта заполняется лишь собой.

Более того, в отличие от космической черной дыры, человек-дыра – это не сверхприсутствие сверхплотной массы, а сверхотсутствие себя, а раз нет ни его, ни ее, их любовь – это любовь никого к никому, то есть фикция. Поэтому им доступна лишь физиологическая составляющая любви с ее гормональным опьянением и более или менее нелепыми телодвижениями ради кратковременного электромагнитного сигнала в центре удовольствия мозга.

Лишь идя по жизни путем с сердцем, в один прекрасный момент осознаешь, что тебе не нужны больше тусовки или общество черных дыр. Тебе хорошо и без них, наедине с собой, так как в этом случае можно отдаться любимому делу. Ты по большому счету счастлив, так как в тебе больше нет пустоты. Наоборот, ты переполнен собой и хочешь поделиться с другими своей наполненностью. Ты стал похож на цветок, излучающий аромат. Когда ты это почувствуешь, ты становишься готовым к качественно новой любви: любви наполненного собой человека.

И тогда в кафе за столом напротив будет сидеть, изливая на тебя собственную полноту, такая же наполненная собой личность, а иначе и быть не может, ведь наполненные собой люди ищут таких же. Черные дыры им не нужны, потому что попросту неинтересны. Да и как может быть интересен кому-то тот, кого тошнит от общества самого себя?

И так, они в кафе. Они говорят о любви, и теперь их любовь имеет и отправителя и получателя. И как бы они ни менялись с годами, если они будут идти по жизни путем с сердцем, они останутся яркими, благоухающими личностями; и, дожив до преклонных лет, будут любить друг друга, видя только красоту этой наполненности, так как все остальное попросту не будет иметь значения.

Такова вершина любви человеческой, которая в свою очередь является стартовой площадкой для любви мистической или эротического потока.

Эротический поток, это спонтанный танец двух тел, который является следствием слияния в единое целое энергии двух людей в момент их предельной близости. Для ее достижения

необходимо быть абсолютно открытыми друг для друга и предельно честными в смысле полного отсутствия лицемерия людьми. В этом случае становится возможным слияние на тонком, энергетическом уровне, в результате пара вновь обретает целостность андрогена, разделенного по легенде на две половины богами.

– Может, чем болтать, давай лучше займемся делом? – предложил он, прервав свой монолог.

– Чем?

– Объясню в спальне. Пойдем.

Там они сняли халаты (другой одежды на них не было), после чего Игнат Валентинович сел на кровати, скрестив ноги.

– Садись на меня, лицом ко мне и обними меня ногами, – сказал он Раде.

Пока она устраивалась по удобнее, у Игната Валерьевича встал, и он вставил член в ее влагалище. Она начала двигаться, но он ее остановил:

– Нужно сидеть спокойно и неподвижно. Сейчас давай синхронизируем дыхание. Мой вдох должен совпасть с твоим выдохом и наоборот.

На это ушло несколько минут. Лишенный внимания член обмяк.

– Мы его теряем? – спросила Рада.

– Пустяки. Здесь не он играет первую скрипку. Дыхание намного важнее.

– Теперь нужно смотреть друг другу в глаза, но не пялиться, как в гляделки, а пытаться впустить в себя взгляд друг друга, – продолжил он объяснять, когда с дыханием они разобрались. – Для этого как бы обхвати мой взгляд своим взглядом, а затем направь свой взор внутрь себя, но глаза не закрывай.

Несмотря на мудреность инструкции, у Рады довольно-таки быстро получилось впустить в себя взгляд Игната Валерьевича. Скорее всего, благодаря уже достаточно долгой медитативной практики.

– Мигать можно? – спросила она.

– Конечно. Это же не «глядделки». Теперь представь, как во время вдоха ты впитываешь мою энергию своим влагалищем, а во время выдоха отдаешь мне свою через груди.

Мужчина при этом должен представлять себе, как он вдыхает энергию через грудь, а выдыхает ее через член.

Сидеть так было неудобно, и очень скоро у Рады разболелась спина.

– Потрепи, – попросил ее Игнат Валерьевич. – Эта игра стоит того.

И точно, через какое-то показавшееся Раде вечностью время они хлынули друг в друга, став на несколько минут единым целым.

Благодаря йоге, им потребовалось всего несколько занятий, чтобы приноровиться к этой позе, после чего слияние стало их любимой прелюдией к сексу.

После совокупления они шли на кухню пить чай, и каждое чаепитие превращалось в небольшую лекцию о суфизме, ведах, учении дона Хуана, дзен... Иногда он рассказывал русские народные сказки. Те из них, которые по своей сути являются спрятанными за сказочной формой откровениями. Игнат Валерьевич вполне резонно считал, что достаточно полностью понять одну из них, чтобы трансформировать сознание.

Как-то раз, поставив чайник, он включил «Come together». Раде не нравились Битлы. Для нее они были попсово-слащавым порожняком вроде отечественных ВИА, которые она терпеть не могла, предпочитая слушать рок.

– Эту песню написал выдающийся ученый, доктор Тимоти Лири, который в свое время был ведущим специалистом в области изучения измененных состояний сознания. Он создал восьмиконтурную модель сознания, согласно которой наша нервная система содержит восемь потенциальных контуров, или ступеней развития сознания, – сообщил Игнат Валерьевич. – Первый или биовыживательный контур появился пару-тройку миллиардов лет назад. Он отве-

чает за разделение мира на питательно-полезную и опасно-вредную часть. У человека включается в младенческом состоянии. И здесь очень важно, получит ли ребенок достаточное количество материнской любви и ласки, так как именно от этого напрямую зависит, будет ли он впоследствии бесстрашно открытым Миру человеком, либо же станет боящимся всего неудачником. Так что ключ к жизненному успеху мы, можно сказать, получаем с молоком матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.